

СОЖГИ МОЮ ВЕЧНОСТЬ

АИДА КИМ

18+

Аида Ким

Сожги мою вечность

«Автор»

2026

Ким А.

Сожги мою вечность / А. Ким — «Автор», 2026

Аэлиан прожил тысячи лет и превратил бессмертие в медленное саморазрушение. В мире, где от магии остались лишь слабые следы, он сжигает собственные воспоминания, надеясь однажды опустеть настолько, чтобы наконец исчезнуть. Всё меняет встреча с Алиной — смертельно больной художницей, которая не просит жалости и хочет успеть почувствовать жизнь до конца. Она предлагает ему невозможную сделку: не спасать её, а прожить оставшееся время без страха и полумер. Но каждое прикосновение становится памятью, а каждое чудо требует платы. Чтобы остаться рядом, Аэлиану придётся выбрать боль, от которой он бежал веками, — и узнать, что происходит, когда смертное пламя касается вечности.

© Ким А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

СОЖГИ МОЮ ВЕЧНОСТЬ

Предисловие

Представьте, что вечность — это не безбрежный океан, а пустыня. Песок, однообразный и холодный, затягивающий следы, стирающий лица и голоса. Ты идешь по ней тысячелетиями, и с каждым шагом твоя душа становится легче — не от просветления, а от истощения. Ты забываешь, каков на вкус хлеб, выпеченный в печи твоей матери. Забываешь запах первой любви, смешанный с пылью летнего пути. Забываешь, отчего бьется сердце. Остается лишь тихий, мертвый шум в ушах — гул самой бесконечности. Ты — окаменевшее эхо, ищешь не жизни, а тишины. Небытия.

А теперь представьте, что в этой пустыне вы находите хрупкий, прозрачный сосуд. В нем — последняя капля воды. Она дрожит, испаряется на глазах, сияя под несуществующим солнцем такой чистой, такой невероятной синевой, что больно смотреть. Её нельзя выпить — это будет кощунством. Её нельзя сохранить — она исчезнет. Можно только наблюдать, затаив дыхание, как она переливается, как ловит свет, которого нет, и знать: через мгновение её не станет. И вместе с ней погаснет последний цвет в мире.

Эта история — о том, что происходит, когда окаменелость решается прикоснуться к этой капле. Не чтобы спасти её — её не спасти. А чтобы в последний миг её существования отразиться в ней целиком. Чтобы вечность, наконец, увидела своё лицо — не в зеркале времён, а в дрожащей, мимолётной глади, обречённой на исчезновение.

Здесь будет боль. Не та глобальная, эпическая боль падших королевств и разбитых сердец богов, а тихая, бытовая, невыносимая боль смятой простыни, тупого укола в вену, беззвучного крика в подушку. Боль тела, которое предаёт. Боль души, которая помнит всё и потому ничего не чувствует.

Здесь будет магия. Не огненные шары и заклинания власти, а магия остаточного свечения. Вкус персика, который помнит солнце тысячелетней давности. Тень на стене, складывающаяся в профиль того, кого давно нет. Тепло ладони, способное на час отогнать ледяной ветерок смерти. Магия, которая стоит дороже любого золота — она стоит памяти. И ею больше не разбрасываются. Её берегут для последнего, самого важного жеста.

И здесь будет любовь. Не как сюжетный поворот, а как физический закон. Как гравитация, возникающая между пустотой и вспышкой. Она будет говорить на языке кожи, вздохов, солёного вкуса слез на губах. Она будет отчаянной, жадной, некрасивой иногда, лишённой романтического флёра — потому что у неё нет времени на церемонию. Ей нужно успеть всё: и первую дрожь открытия, и ярость разлуки, и нежность, которая знает, что завтра не наступит. Это любовь-исповедь, любовь-прощание, любовь-клятва, данная на краю пропасти.

Вы готовы войти в этот мир? В мир, где самый древний маг на свете учится заново дышать у постели умирающей девушки? Где каждый поцелуй пахнет одновременно солью и пеплом, а каждое прикосновение — это и вопрос, и ответ?

Отбросьте ожидания грандиозных битв. Самые важные сражения здесь происходят в тишине, между двумя сердцами — одним, что забыло, как биться, и другим, что отчаянно торопится прожить свой удар до конца. Это история о последнем вздохе. И о первом, по-настоящему глубоком вдохе, который за ним последовал.

Прислушайтесь. Сквозь шум вечности уже пробивается тихий, прерывистый звук. Это бьется хрупкое, смелое сердце. Ему осталось недолго. Оно собирается рассказать вам всё.

Глава 1

Он проснулся от того, что забыл, кто он. Это было лучшим моментом дня. Пять, может быть, десять секунд чистого, неомраченного существования, когда сознание было пустым сосудом, а тысячелетняя тяжесть памяти не давила на виски. Потом всё возвращалось: имя — Аэлиан, природа — маг, проклятие — бессмертие. И нескончаемая усталость, просочившаяся в кости, в каждую клеточку, ставшая плотнее крови.

Аэлиан поднялся с кровати, и старые половицы под босыми ногами не скрипнули — он давно заставил их помнить тишину. Комната была свидетельством его тоски по небытию: почти пустая, белые стены, единственное окно, за которым клубился утренний туман, пожирающий очертания приморского городка. Ни книг, ни картин, ни безделушек. Только стол, стул и на столе — глиняный кувшин с веткой цветущей вишни. Она цвела здесь уже три месяца, не увядая, высасывая из него крохи магии, которую он больше не хотел тратить. Но это было простое, почти машинальное действие — поддержать жизнь, чтобы не видеть смерти. Ирония не ускользала от него.

Он подошел к окну, положил ладонь на холодное стекло. Под пальцами иней расцвел сложным узором — спирали древнего языка, который никто уже не читал. Магия. Остаточная, тонкая, как дыхание на зеркале. Она жила не в заклинаниях, а в памяти мира: в оттенке света перед грозой, во вкусе первой летней ягоды, в дрожи кожи от прикосновения. Он мог черпать её, но источником были его собственные воспоминания. Каждый всплеск силы стоил ему кусочка прошлого. Сжечь воспоминание, чтобы оживить цветок, изменить вкус воды на вкус вина из далекой Александрии, создать на час иллюзию сада, которого нет тысячу лет. Это был путь к забвению, медленное самоубийство, на которое ушли века. И оно почти подошло к концу.

Сегодня память предлагала ему что-то смутное и теплое: ощущение солнечных пятен на камнях древней террасы, смех женщины, чье лицо он уже не мог вспомнить. Аэлиан закрыл глаза, позволил образу налиться яркостью, а затем — стёр его. Выпустил эту накопленную энергию в пространство комнаты. Воздух дрогнул, запах пыли и старости сменился ароматом морского бриза и дикого розмарина. На миг ему показалось, что слышен крик чаек. Потом всё осело. Воспоминание исчезло навсегда. На столе в кувшине раскрылся новый, нежно-розовый бутон.

«Ещё один шаг», — подумал он без радости.

Он оделся просто: темные брюки, свитер, плащ. В зеркале отразился мужчина лет тридцати пяти, с темными, слишком спокойными глазами и чертами, в которых застыла усталость многих эпох. Ничего примечательного. Он давно научился быть невидимкой в мире людей, двигаться по его течению, не оставляя ряби.

Городок просыпался, укутанный в молочно-белый туман. Аэлиан шел по влажному асфальту, не замечая ни витрин, ни спешащих на работу людей. Его ноги сами несли его в единственное место, где он ещё иногда находил подобие утешения, — в старую публичную библиотеку. Она помещалась в бывшем купеческом особняке, и её запах — смесь пыли, старой бумаги и древесины — был одним из немногих, что не вызывали в нем отторжения. Здесь время текло иначе, замедленно, и он мог раствориться в тенях между стеллажами.

Библиотекарша, пожилая женщина в очках на цепочке, кивнула ему, привыкнув к его молчаливым визитам. Он прошёл в дальний зал, где хранились старые газеты и журналы. Ему не нужно было читать — ему нужно было тихое место, где можно было просто существовать, не тратя память.

Он не ожидал, что будет не один.

У окна, за столом, заваленным толстыми томами по искусству, сидела девушка. Аэлиан увидел её сначала силуэтом: согнутая спина, тонкая шея, светлые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Она что-то быстро записывала в блокнот, её рука двигалась с лихорадочной энергией, которой так не хватало всему его существу.

Он собирался развернуться и уйти, но в этот момент она подняла голову, чтобы взять очередную книгу. И он увидел её лицо.

Оно не было красивым в общепринятом смысле. Слишком резкие скулы, слишком большой рот, бледная кожа, под глазами — тени, похожие на синяки. Но глаза... Огромные, серо-зеленые, как море перед штормом, полные такого яростного, жадного внимания к миру, что у Аэлиана перехватило дыхание. В них горел краткий, яркий огонь, который он видел лишь у тех, кто знает, что их время на исходе.

Их взгляды встретились. Девушка не опустила глаза, не улыбнулась вежливо. Она изучала его с такой же прямой, почти бесцеремонной любознательностью, с какой изучала книги.

— Вы тоже застряли в этом прекрасном склепе? — спросила она. Голос у неё был низковатый, немного хрипловатый, как после долгого смеха или долгого плача.

Аэлиан медленно приблизился. Он чувствовал исходящую от неё волну... жизни. Не просто биологического существования, а той самой кипучей, хрупкой, обреченной энергии, которая когда-то наполняла и его мир.

— Можно сказать и так, — ответил он. — Я ищу тишины.

— О, тогда вы по адресу. Тишины здесь навалом. Она даже в ушах звенит. — Она откинулась на спинку стула, и её взгляд скользнул по его фигуре. — Вы здесь новый. Я бы запомнила.

— Я бываю редко.

— Жаль. Приятно видеть кого-то, кроме миссис Гловер и призраков прошлых читателей. Я уверена, они тут тоже есть. Чувствуете? — Она сделала преувеличенно таинственное лицо, и в уголках её рта дрогнула улыбка.

Аэлиан почувствовал. Не призраков, но тонкий, едва уловимый след магии — может, от старого заклинания защиты, вмурованного в фундамент, а может, просто накопленную тишину веков. Но он лишь сказал:

— Воздух здесь действительно особенный.

— Меня зовут Алина, — сказала девушка, протягивая руку. Её пальцы были длинными, тонкими, холодными.

Он взял её руку, и в момент прикосновения что-то ёкнуло в его груди. Не магия, не всплеск силы. Нечто более простое и от того более пугающее — искра. Ощущение живого, теплого, настоящего контакта. Он забыл, каково это.

— Аэлиан, — представился он, отпуская её руку чуть медленнее, чем следовало.

— Аэлиан, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Редкое. Красивое. Подходит вам.

— А Алина? — спросил он, садясь на стул напротив, вопреки всем своим правилам.

— Из мифов. Небесная лира. Мама была романтиком. Надеялась, что я буду легкой и мелодичной. — Она усмехнулась, и в этой усмешке была горечь. — Получилось как всегда. Струны натянуты до предела, и звук выходит слишком резкий, слишком громкий для этого тихого места.

Он смотрел на неё, и его древняя, уставшая душа, казалось, шевельнулась в глубине. Он видел не только её. Он видел тень, обнимавшую её плечи — бледную, холодную тень болезни. Он не был целителем, но магия, связанная с жизнью и памятью, позволяла чувствовать угасание. Она горела ярко, но как последняя вспышка перед тем, как свеча погаснет.

— Что вы ищете в этих книгах? — спросил он, чтобы отвлечься от этого знания.

— Красоту, — ответила она просто, погладив ладонью раскрытый фолиант с репродукциями Моне. — Её так много было создано. Я пытаюсь... успеть её увидеть. Хотя бы на картинках. Потому что в Лувр или Уффици меня уже не пустят.

Он понял всё. Один лишь намёк, но ему, прожившему тысячелетия, хватило.

— Почему? — спросил он мягко, хотя знал ответ.

Алина посмотрела на него прямо, без жалости к себе и без сожалений. — Потому что у меня осталось месяца три, Аэлиан. От силы. И иммунитет, и деньги, и силы на дальние поездки закончились примерно одновременно. Поэтичная справедливость, не находите?

Она произнесла это так же просто, как говорила о красоте на картинах. Без пафоса, без ожидания сочувствия. Это был факт, такой же неопровержимый, как дата на газетной полосе. Аэлиан слушал и чувствовал, как внутри него что-то сдвигается, огромное и заржавленное, будто шестерни механизма, который не использовался веками. Жалость? Нет. Он прожил слишком долго, чтобы жалеть смертных. Смерть была их определяющим качеством, тем, что придавало их смеху ценность, а слезам — смысл. Но было другое — почти забытое чувство вызова. Она бросала вызов не только болезни, но и его собственной апатии. Она сидела здесь, в пыльном склепе, и глотала мир глазами, пока он, обладавший вечностью, тратил её на то, чтобы стереть себя по крупичкам.

— Поэтичная, — согласился он, и его собственный голос показался ему чужим, менее отстранённым. — И несправедливая.

Алина пожалала плечами, и движение это было удивительно грациозным, как у птицы, поправляющей крыло. — Справедливость — понятие для тех, кто верит в весы. Я верю в случай. Случайно родилась с поломанными генами. Случайно встретила вас сегодня. Всё остальное — производные.

— Вы философ.

— Умиравшие часто становятся философами. Или религиозными фанатиками. Мне повезло с темпераментом — склоняюсь к первому. — Она закрыла книгу, отодвинула её. — А вы кто, Аэлиан? Кроме того, что ищете тишину.

Вопрос повис в воздухе, нагруженный пылью и тишиной. Кто он? Маг. Бессмертный. Скиталец. Пустой сосуд. Лжец. Он не мог сказать ничего из этого.

— Скиталец, — выбрал он наконец самое близкое к правде из допустимого. — Который слишком долго был в пути и забыл, зачем куда-то идёт.

— Знакомое чувство, — она кивнула, и её взгляд стал пристальным, анализирующим. Он чувствовал, как эти серо-зелёные глаза сканируют его лицо, выискивая трещины в маске равнодушия. — Но в вас нет отчаяния. Есть... усталость. Но не такая, как у больных. У вас усталость не от недостатка времени, а от его избытка.

Он едва не отпрянул. Она ударила слишком близко к цели, не зная даже, во что целится.

— Вы умеете читать людей, — заметил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Практика. Когда тебе остаётся только смотреть, начинаешь видеть больше. Вы, например, сейчас хотите уйти. Это видно по тому, как пальцы вашей правой руки слегка сжались. Инстинкт бегства от тяжелых тем.

Аэлиан разжал пальцы, которых сам не ощущал. Она была права. Каждая клетка его тела требовала отступить в привычную тень, в безопасность одиночества. Но что-то другое, давно дремавшее, удерживало его на стуле. Любопытство. Вызов.

— А что, если я не хочу уходить? — спросил он, и в его интонации прозвучала та самая, почти забытая игра.

Алина улыбнулась, и на этот раз улыбка коснулась её глаз, сделав их моложе и беззащитнее. — Тогда, наверное, стоит сменить обстановку. Тишина здесь начинает давить. Вы не проводите экскурсии по самым унылым уголкам города для умирающих девушек?

Он поднялся. — Я не знаю, что считается унылым. Для меня весь город — декорация.

— Идеально. Значит, будете непредвзяты. — Она собрала свои книги, движения её были быстрыми и точными, но когда она встала, ей на мгновение пришлось опереться о стол. Лёгкая волна слабости, мгновенно подавленная усилием воли. Аэлиан заметил это, заметил, как напряглись мышцы её спины под тонким свитером, как она сделала глубокий, но почти неслышимый вдох. Героизм повседневности. Он протянул руку, чтобы помочь ей с пальто, висевшем на спинке стула. Его пальцы коснулись ткани, а затем — её плеча, когда он помогал надеть его. Через слой шерсти он почувствовал хрупкость её костей, острые лопатки. И снова — тот разряд, простое человеческое тепло, от которого его собственная вечная прохлада вдруг показалась ему болезнью.

Они вышли на улицу. Туман немного рассеялся, превратившись в влажную дымку, которая серебрила волосы Алины и оседала на ресницах. Она задрала голову, вдыхая воздух полной грудью.

— Пахнет морем и гниющими водорослями. И жизнью. — Она посмотрела на него. — Куда ведёте?

— Куда угодно, — сказал Аэлиан. И это была правда. Впервые за долгие годы у него не было маршрута. Он просто пошёл рядом с ней, подстраиваясь под её неспешный, иногда немного неуверенный шаг.

Они шли по набережной, мимо закрытых летних кафе, мимо рыбаков, чинящих сети. Алина говорила. Говорила о красках на полотнах Тёрнера, о том, как свет преломляется в морской воде, о вкусе устриц, которых она пробовала однажды в Париже и которые показались ей похожими на поцелуй океана. Её слова лились потоком, насыщенными, яркими, будто она пыталась вложить в них всю ту жизнь, которой ей было отпущено. Аэлиан молчал, слушал, и странное чувство наполняло его. Он не стирал воспоминаний. Он их накапливал. Каждый её жест, каждая интонация, свет в её глазах, когда она говорила о любимой картине — всё это отпечатывалось в нём с болезненной чёткостью. Он ловил себя на том, что наблюдает за движением её губ, за тем, как тень от ресниц падает на щёки, за тем, как она иногда, увлекаясь, хватала его за рукав, чтобы подчеркнуть мысль.

— А вы? — спросила она вдруг, обрывая свой монолог о скульптурах Микеланджело. — Что вас заставляет чувствовать себя живым? Если не секрет, конечно.

Он долго смотрел на серую линию горизонта, где море сливалось с небом. Что заставляло? Когда-то — новые земли, новые знания, любовь, война. Потом — ничего. Только медленное движение к небытию.

— Сейчас, — сказал он, и сам удивился своей откровенности, — меня заставляет чувствовать живым ваш голос.

Алина остановилась. Они дошли до старого пирса, уходящего в туман. Волны лениво лизали сваи. Она повернулась к нему, и её лицо было серьёзным.

— Это красиво. И очень грустно. Потому что это комплимент не мне, а моей скоротечности. Я — напоминание о том, чего у вас нет.

— У меня нет ничего, Алина. Только время. Которое стало тюрьмой.

— Тогда давайте заключим сделку.

Глава 2

Память была о море. Не о том, что плескалось за окном его квартиры — серое, холодное, вечно недовольное. А о море юга, о том, что помнило тепло тысячелетних солнц и пахло солью, смешанной с ароматом цветущих апельсиновых рощ. Аэлиан держал её в руках, как раковину: замкнутую, законченную, готовую к тому, чтобы её выбросили на берег забвения.

Он сидел в кресле у окна, глядя на дождливый рассвет. В пальцах, сложенных чашечкой, мерцал слабый свет — не ярче пламени свечи. Внутри этого света танцевали отрывки: вспышка паруса на бирюзовом горизонте, вкус вина из глиняной чаши, грубый смех мужчины с бородой, заплетённой в ракушки. Друг. Кажется, его звали Кир. Или Кирено. Имя уже расплывалось, как чернила на мокром папирусе.

Магия требовала оплаты. Не крови, не сил — эмоций. Чтобы стереть, нужно было пережить снова, выскоблить до дна, до той пустоты, где не оставалось ничего, кроме лёгкого пепла на душе. Аэлиан погрузился в воспоминание. Он позволил себе снова почувствовать солёный ветер на коже, радость от удачного улова, тёплую тяжесть дружеской руки на плече. А затем — медленно, методично — начал стирать.

Свет в его ладонях померк, сжался в точку и погас. В ушах на мгновение воцарилась абсолютная тишина, та самая тишина между тактами, где когда-то жила магия. Теперь она была просто пустотой. В груди что-то щёлкнуло, как переключатель в темноте. Море, друг, юг — всё это стало набором бесцветных фактов, лишённых веса и запаха. Он знал, что это было, но больше не чувствовал.

Осталась только усталость. Глубокая, костная, как вечная мерзлота.

Он поднялся, и кости ответили тихим скрипом, хотя тело его, застывшее в облике мужчины лет тридцати пяти, не старело. Старилась душа. Она вся была похожа на старую библиотеку, где книги медленно превращаются в пыль.

Дождь за окном стих, сменившись хмурым, влажным сиянием. Аэлиан накинул простой тёмный плащ и вышел. Городок просыпался, пахнул мокрым асфальтом, свежей выпечкой и далёким, неистребимым запахом моря. Он шёл без цели, позволяя ногам нести себя. Так он прожил последние десятилетия — как сомнамбула в отлаженном сне.

Его ноги сами привели его к старой публичной библиотеке, зданию из красного кирпича, которому было лет сто, не больше. Для него — мгновение. Здесь пахло временем, но человеческим, не его: пылью бумаги, клеем переплётков, деревянными полками, впитавшими тысячи прикосновений. Это место он посещал редко: слишком много следов мимолётных жизней, слишком навязчивый шёпот забытых слов. Но сегодня тянуло именно сюда, в это хранилище чужой памяти.

Внутри было тихо и пустынно. Лишь где-то в глубине скрипела тележка с книгами. Аэлиан прошёл между стеллажами, пальцы скользнули по корешкам, не читая названий. Он искал не книгу, а тишину. Но тишина не приходила.

Потому что в дальнем углу, у высокого окна, залитого рассеянным светом, кто-то смеялся. Смех был негромким, хрипловатым, отчего-то щемяще живым. Он резал библиотечную тишь, как стекло.

Аэлиан замедлил шаг. За поворотом стеллажа он увидел её.

Девушка сидела на широком подоконнике, поджав под себя ноги, в огромном свитере, который тонул на её хрупких плечах. Книга лежала у неё на коленях, но она не читала. Она смотрела в окно, на клочок серого неба между ветвями старого клёна, и улыбалась. Улыбка была странной: одновременно радостной и бесконечно печальной. Её волосы, цвета тёмного мёда, были коротко острижены, почти как мальчишечьи, что ещё больше подчёркивало хруп-

кость шеи, резкие скулы, большие глаза. И тени под ними — глубокие, синеватые, как будто её отлили из фарфора и забыли обжечь в печи до конца.

Она обернулась, почувствовав его взгляд. Глаза встретились. У неё они были серо-зелёные, цвета моря в день, подобный нынешнему.

— Я вам мешаю? — спросила она. Голос совпал со смехом — низковатый, с лёгкой хрипотцой. — Здесь обычно никого нет в такое рано.

— Нет, — ответил Аэлиан, и его собственный голос прозвучал непривычно глухо после долгого молчания. — Вы не мешаете. Я просто... иду.

— Куда? — Она улыбнулась снова, и в уголках её глаз собрались лучики морщинок. Ей на вид было лет двадцать пять, но что-то в её взгляде было старше.

— Никуда.

— Значит, мы с вами в одной лодке. Я тоже никуда. Точнее, я везде успеваю. Пока сижу тут. — Она хлопнула ладонью по подоконнику рядом с собой, приглашая. Жест был настолько естественным и бесстрашным, что Аэлиан, после мимолётного колебания, подошёл и прислонился к стене рядом, не садясь. Близость к этому живому, яркому, но явно угасающему огоньку была одновременно мучительной и притягательной.

— Вы часто здесь бываете? — спросил он, больше чтобы что-то сказать.

— Каждый день, когда могу. Когда хватает сил дойти. — Она посмотрела на свою книгу. Это был томик японской поэзии. — Здесь пахнет вечностью. Ну, знаете, бумага, слова... Они же остаются. Дольше нас.

Ирония в её словах была горькой и прозрачной. Аэлиан почувствовал, как что-то сжимается внутри него. Он видел болезнь. Не как врач, а как существо, знакомое со смертью куда ближе, чем любой живой. Он видел её след в прозрачности её кожи, где синели тонкие вены, в лёгкой дрожи пальцев, в том, как глубоко она вдыхала, словно каждую порцию воздуха приходилось выигрывать в борьбе.

— А вы? — перебила она его мысли. — Вы тоже ищете вечность среди стеллажей?

— Я ищу забвение, — сказал он честно, сам удивившись своей откровенности.

Её глаза расширились, затем прищурились с интересом.

— Забвение? Это скучно. Вечность — тоже скучно, наверное. А вот миг... миг — это интересно. Вот смотрите. — Она указала на окно. На стекле, благодаря разнице температур внутри и снаружи, нарастал иней. Слабый утренний свет лепил из него причудливые узоры, похожие на папоротники или на кристаллические города. — Красиво, да? Через час солнце выйдет из-за туч, стекло прогреется, и всё исчезнет. Весь этот лес. И он больше никогда не повторится точно так же. Вот это — миг. Его и нужно ловить.

Она говорила с таким жаром, с такой отчаянной убеждённости, что Аэлиан почувствовал давно забытый толчок где-то в груди. Как будто замок, покрытый ржавчиной, дрогнул.

— Вы умеете ловить миги? — спросил он, и в его голосе прокралась тень чего-то, что могло быть насмешкой, а могло — искренним вопросом.

— Учусь, — она улыбнулась во весь рот, и это преобразило её лицо, отодвинув тени, болезнь, сделало его ослепительно живым. — Например, сейчас. Этот миг. Разговор с незнакомым красивым мужчиной в библиотеке в дождливое утро. Он уже в копилке.

«Красивый мужчина». Эти слова, произнесённые так легко, без кокетства, а как констатация факта, смутили его. За тысячелетия он слышал подобное бессчётное количество раз.

Её слова повисли в воздухе, смешавшись с запахом старых страниц. «Красивый мужчина». Аэлиан почувствовал, как древний, автоматический механизм внутри него пытался сработать — отбросить комплимент, как гальку, отнести к нему как к ничего не значащему шуму. Но механизм закрипел и дал осечку. Потому что она не смотрела на него с восхищением или желанием обладать. Она констатировала, как констатировала бы красоту инея на стекле. Безлично. А потому — невыносимо честно.

— Забвение ищут те, кто устал помнить, — сказала она, словно продолжив его собственную мысль. Её пальцы, тонкие и бледные, провели по страницам книги, не перелистывая. — А вы устали?

Вопрос был настолько прямым, что обезоружил. За тысячелетия никто не спрашивал его об этом. О силе — да. О секретах — конечно. Об усталости души — никогда.

— Да, — снова вырвалось у него, к его собственному изумлению. Он, мастер масок и молчания, за пять минут разговора с этим хрупким созданием сказал две горькие правды. — Безмерно.

— Я вам завидую, — она откинула голову на холодное стекло, закрыв глаза. Ресницы, темные и влажные от собственного дыхания, легли на синеватые веки. — Вы устали от воспоминаний. А я... я боюсь, что мне нечего будет вспомнить. Что все миги ускользнут, и останется только одна длинная, серая полоса. Как это небо.

Он смотрел на пульсацию вены на её шее, тонкую, как нить. Каждый удар сердца был маленькой победой над неизбежным. В нём проснулось что-то давно забытое — не желание, не страсть в её простом понимании, а острое, почти болезненное любопытство. Жажда прикоснуться к этому пламени, которое вот-вот погаснет, и обжечься его теплом.

— У вас есть ещё время, чтобы накопить их, — произнёс он, и голос его звучал чуть хриплее.

— Время, — она открыла глаза и посмотрела на него прямо. В её взгляде была бездонная, спокойная печаль. — Оно обманчиво. Его может быть много, но оно пустое. А может быть... вот этот час. И он будет полнее всей прошлой жизни. — Она вдруг выпрямилась, соскользнула с подоконника и встала перед ним. Разница в росте заставила её запрокинуть голову. Свитер сполз с одного плеча, обнажив ключицу — острую, хрупкую, будто вырезанную из слоновой кости. — Вы ведь не просто так пришли сюда. И не просто так подошли ко мне.

Это была не просьба, не вопрос. Это была констатация. Аэлиан почувствовал, как воздух между ними сгустился, стал проводить ток. Он мог солгать. Мог развернуться и уйти в тишину стеллажей. Но его ноги словно выросли в потертый деревянный пол.

— Нет, — согласился он. — Не просто так.

— Почему?

— Потому что вы смеялись, — сказал он, и это была ещё одна правда, маленькая и странная. — А здесь никто не смеётся. Здесь тихо. Как в гробнице.

Её губы тронула улыбка — не радостная, а понимающая.

— Я смеюсь, потому что иначе начну плакать. А плакать уже нет сил. Остаётся только смех. — Она сделала шаг ближе. Теперь между ними оставалось меньше полуметра. Он чувствовал исходящее от неё тепло, слабое, как тепло чашки в остывающих руках. Чувствовал лёгкий запах — мыла, лекарственной горечи и чего-то ещё, неуловимого, индивидуального, что было просто её. — А вы? У вас есть силы плакать?

Он не ответил. Вместо этого его рука, будто помимо воли, поднялась. Он не дотронулся до неё. Он просто остановил ладонь в воздухе, в сантиметре от её щеки, словно проверяя гравитацию этого притяжения. Она не отпрянула. Не моргнула. Её серо-зелёные глаза смотрели в его, и в них читался вызов. И доверие. Страшное, абсолютное доверие обречённого.

— Что вы делаете? — прошептала она, и её дыхание коснулось его кожи.

— Ловлю миг, — тихо ответил Аэлиан.

Он наконец коснулся. Кончиками пальцев провёл по её щеке, от виска к углу тех самых улыбающихся губ. Кожа была невероятно мягкой, почти горячей на ощупь, и под ней он почувствовал мелкую дрожь. Не от страха. От напряжения жизни, сконцентрированной в этой точке.

Она замерла. Её веки прикрылись, длинные ресницы задрожали. Она повернула голову, вжавшись щекой в его ладонь, в этот холодный, чуждый живому человеку покой его руки. Жест был настолько интимным, настолько лишённым кокетства, простым и животным жадой

тепла, что у Аэлиана перехватило дыхание. В груди, в той самой пустоте, где час назад тлел пепел воспоминаний о море, что-то дрогнуло и треснуло. Не эмоция — ещё нет. Но возможность эмоции. Опасная, смертоносная трещина.

— Холодно, — пробормотала она, не открывая глаз. — Ваши руки. Как у человека, который долго шёл по снегу.

— Я и шёл, — сказал он. — Очень долго.

Она открыла глаза. В них теперь горел не просто интерес, а голод. Такой же, какой он начал чувствовать в себе.

— А теперь остановились?

— Кажется... да.

Она медленно, будто боясь спугнуть момент, подняла свою руку и накрыла его ладонь, прижимая её к своей щеке. Её пальцы были тонкими, но хватка — удивительно сильной.

— Тогда, может, согреетесь? — её шёпот был едва слышен. — Пока миг не прошёл.

Аэлиан почувствовал, как все его возрасты, все наслаения забытых жизней содрогнулись и поползли, как лёд во время ледохода. Он был старше этого здания, этого города, этой цивилизации. Он стирал с себя любовь, дружбу, ярость и скорбь. Он был пустым сосудом. И теперь в эту пустоту хлынул водопад — хриплый смех в тишине, серо-зелёные глаза, читающие его насквозь, тепло хрупкого тела под толстой шерстью свитера.

Он наклонился. Медленно, давая ей время отстраниться. Она не отстранилась. Она потянулась навстречу.

Первый поцелуй был не поцелуем в полном смысле. Это было прикосновение — его холодных губ к её тёплым, сухим и слегка шершавым от болезни. Это было исследование. Вздох, который она выпустила ему в рот, сладкий и горький одновременно. Её пальцы вцепились в складки его тёмного плаща.

А потом что-то щёлкнуло. Не в ушах, а где-то глубже. И поцелуй изменился. Из осторожного он стал жадным, глубоким, отчаянным. Она отвечала с той же яростной силой, как будто хотела через этот контакт вдохнуть в себя часть его времени, его странного, замороженного бессмертия. А он, в свою очередь, пил из неё жизнь — горячую, солёную, обречённую и оттого невероятно яркую. Его руки скользнули под огромный свитер, обхватив её ребра, чувствуя под тонкой тканью майки каждую косточку, каждое биение её сердца, учащённого и нестройного.

Он оторвался, чтобы перевести дыхание, которого, в сущности, не нуждался, но в его легких горел огонь, которого не знал веками. Он уперся лбом в её лоб, чувствуя, как пульсирует её кровь в висках — частый, неровный ритм, мелодия, обреченная на скорое затихание. Её глаза были закрыты, губы приоткрыты, влажные от его поцелуя. Она дрожала, но не от холода.

— Ты... — она выдохнула, не открывая глаз. — Ты совсем не дышишь. По-настоящему.

Он не стал отрицать. Его пальцы все ещё впивались в её ребра, будто боялись, что она рассыплется, если он ослабит хватку. Через тонкую ткань майки он чувствовал жар её кожи. Этот жар был живым упреком его вечному холоду.

— А ты дышишь за двоих, — прошептал он, и его губы коснулись её века, почувствовав соленый привкус — слез? Нет, просто жизни.

Она наконец открыла глаза. В них не было страха. Была ясность, почти жестокая.

— Я знала, — сказала она тихо. — С первой секунды. Ты не отсюда. Ты не... обычный.

— А ты? — он отстранился на сантиметр, чтобы видеть все её лицо. — Ты самая обычная.

И самая необычная из всех, кого я встречал.

Она рассмеялась, снова этим хриплым, разбитым смехом.

— Комплимент от не-человека. Это лестно. — Её руки скользнули под его плащ, обняли за талию, прижала его к себе. Она была худа, почти невесома, но сила, с которой она держалась за него, была силой утопающего, нашедшего скалу. — Что теперь? Ты исчезнешь? Скажешь, что это была ошибка?

Он покачал головой. Ошибка? Да. Но единственная, которую он хотел совершить за последние сто лет.

— Я хочу тебя, — сказал он прямо, и древние слова прозвучали на этом языке грубо и просто. — Здесь. Сейчас.

Её зрачки расширились. Голод в них вспыхнул с новой силой.

— В библиотеке? — в её голосе прозвучал смешок, но тело ответило на его слова — она выгнулась, прижимаясь к нему низом живота, и он почувствовал, как напряглась, как искала контакта.

— Да. Пока миг не прошел.

Он оглянулся. Зал был пуст. Скрип тележки смолк где-то далеко, в другом крыле. Высокие стеллажи образовывали вокруг их угла полукруглую нишу, скрытую от главного прохода. Стекло окна, покрытое инеем, было их единственным свидетелем.

Он снял с себя плащ и расстелил его на широком деревянном подоконнике, на темной шерсти. Действие было ритуальным, и она наблюдала за ним, затаив дыхание, обнимая себя за плечи. Потом он повернулся к ней.

— Не бойся, — сказал он, хотя она не выглядела испуганной.

— Я не боюсь, — ответила она. — Я боюсь только одного — что ты остановишься.

Его руки нашли пояс её джинсов. Пуговица, молния. Звук расстегивающейся молнии в библиотечной тишине был неприличным, громким, возбуждающим. Он присел на корточки перед ней, помогая ей стянуть джинсы и тонкое белье. Она шагнула из кучки ткани, и он увидел её — худые, почти детские бедра, треугольник темных волос внизу, изогнутые, слишком хрупкие колени. Красота увядающего цветка. Он наклонился и прижался губами к внутренней стороне её бедра, чуть выше колена. Кожа там была как бархат, горячий и трепещущий. Она вздрогнула, и её пальцы впились в его волосы.

— Аэлиан, — прошептала она, и он понял, что не назвал ей своего имени. Но она знала. Каким-то образом знала.

Он поднял голову, смотря снизу вверх на её лицо, искаженное ожиданием.

— Как тебя зовут? — спросил он, и это был самый человеческий, самый необходимый вопрос.

— Лия, — выдохнула она. — Просто Лия.

— Лия, — повторил он, и имя обожгло ему язык, как раскаленный уголь. Он встал, обхватил её под ягодицы и поднял, посадив на край подоконника, на разостланный плащ. Стекло было холодным сквозь ткань, и она ахнула, но тут же обвила его ногами за спину, притягивая к себе.

Его собственная одежда мешала. Он отстранился на секунду, чтобы снять простую рубашку и освободиться от брюк. Она смотрела, не отрываясь, её глаза скользили по его телу — телу, застывшему в идеальной, но безжизненной форме. На нем не было шрамов, следов времени, только бледная, холодная кожа, под которой не пульсировала кровь с такой яростью, как под её. Он был статуей, которую она собиралась оживить.

Когда он вернулся к ней, она обхватила его лицо руками.

— Согрейся, — приказала она, и поцеловала снова, глубоко, влажно, забирая его холод в себя.

Его руки скользнули между её ног. Она была уже мокрой, горячей, невероятно живой. Её стон, глухой и сдавленный, утонул в его рту. Он водил пальцами, изучая каждую складку, каждый источник тепла и пульсации, слушая, как её дыхание срывается. Он хотел запомнить это — не как воспоминание, которое потом стереть, а как факт, врезающийся в плоть вечности.

— Хватит... — она застонала, отрываясь от поцелуя. — Хватит изучать. Войди в меня. Пожалуйста.

Её «пожалуйста» было молитвой. Он направил себя, и вошел медленно, давая её телу, такому узкому, принять его. Она вскрикнула — коротко, резко, и вцепилась ему в плечи, ногти впились в кожу. Боль была острой, реальной, и он закрыл глаза, наслаждаясь ею. Он заполнял её, и она обнимала его изнутри, горячая, тугая, пульсирующая.

Глава 3

Ветер с моря пах солью и гниющими водорослями. Аэлиан стоял на променаде, прислонившись к холодному железному ограждению, и смотрел, как волны методично, уже миллиардный раз, разбиваются о бетонные волнорезы. Пустота после стирания воспоминания о южном море была не болью, а именно ничем — ровным, бесцветным пятном на полотне его сознания. Он почти благодарил за это. Почти.

Городок жил своей мелкой, суетливой жизнью. Дети кричали, гоня мяч. Парочки, сплетенные руками, проходили мимо, поглощенные своим мимолетным счастьем. Старушка кормила чаек. Аэлиан видел их всех как сквозь толстое, чуть мутное стекло. Он был наблюдателем, экспонатом в собственной вечности. Ещё одно воспоминание — стереть. Ещё один день — пережить. Цель была проста: дойти до полного, чистого забвения, до того момента, когда не останется ни одной привязки к этому миру, и тогда, возможно, вечность наконец отпустит его.

Его внимание, рассеянное и равнодушное, выхватило пятно цвета. Не яркое, но... живое. На дальней скамье, под почти голыми ветвями акации, сидела девушка и рисовала в блокноте. Она была закутана в большой шерстяной платок цвета охры, но из-под него выбивались пряди темно-медных волос, которые ветер трепал, как пламя. Не это привлекло его. Аэлиан, за тысячелетия научившийся видеть суть вещей, воспринимал мир слоями. И вокруг этой девушки пульсировал странный, двойной свет. Яркая, трепетная аура короткой, но жаркой жизни — и сквозь неё, как ледяные прожилки в мраморе, проступала холодная, неумолимая тень угасания. Это противоречие было настолько резким, настолько несправедливым, что даже его онемевшее сердце дрогнуло.

Он не планировал подходить. Но ноги сами понесли его вдоль променада, будто тот самый южный бриз, память о котором он только что уничтожил, все ещё толкал его в спину.

Девушка не подняла головы, когда он остановился в нескольких шагах. Она сосредоточенно выводила что-то углем, её пальцы, тонкие и бледные, двигались быстро, уверенно.

— Вы всегда так рассматриваете незнакомцев? — спросила она вдруг, все ещё глядя в блокнот. Голос у нее был низковатый, немного хрипловатый, как будто от долгого молчания или... болезни.

— Только тех, кто рисует волну так, будто слышит её голос, — ответил Аэлиан, удивляясь собственной речи. Он не говорил лишнего с людьми веками.

Она наконец посмотрела на него. Глаза. Боже, глаза. Цвета старого коньяка, с золотыми искорками, и в них — целая вселенная. Не детская радость, а глубокая, взрослая ясность, смешанная с такой бездонной грустью, что ему стало физически трудно дышать. В этих глазах было больше жизни, чем во всем этом городе, и больше принятия конца, чем за все его тысячелетия поисков покоя.

— А вы слышите? — спросила она, прищурившись. — Голос волны?

— Я слышал, как они пели на языке, который уже забыл этот мир, — сказал он честно, опускаясь на свободный край скамьи. Дистанция была соблюдена, но пространство между ними вдруг стало заряженным, плотным.

— Похоже на начало плохого романа, — усмехнулась она, но в усмешке не было злобы. Была усталость. — Меня зовут Алина.

— Аэлиан.

— Редкое имя. Древнегреческое?

— Что-то вроде того.

Они помолчали. Аэлиан смотрел на её рисунок. Она изобразила не просто море. Она нарисовала сам момент перехода — воду, становящуюся пеной, свет, разбивающийся о миллионы капель, миг перед падением. Это было гимном хрупкости.

— Ты умираешь, — произнес он тихо, не как обвинение, а как констатацию факта, который висел в воздухе между ними с первой секунды.

Алина не вздрогнула. Она отложила уголь, вытерла пальцы о тряпицу.

— А ты выглядишь так, будто умер давно и просто забыл об этом, — парировала она. Её взгляд скользнул по его лицу, по слишком гладкой коже, по глазам, в которых отражались не годы, а эпохи. — Что хуже, как думаешь?

Конфликт был установлен. Не враждебный, а фундаментальный. Она — пламя, догорающее, но яркое. Он — холодный пепел, оставшийся после пожара, длившегося вечность.

— Не знаю, — признался Аэлиан. — Я ищу забвения.

— А я пытаюсь ничего не забыть, — сказала Алина. — Каждый запах, каждый оттенок света, каждое прикосновение. Потому что скоро их не будет. Иронично, да?

Она собралась встать, поправила платок. Аэлиан увидел, как на мгновение тень боли исказила её черты, как она чуть прижала руку к боку, под ребрами. Этот жест, такой человеческий, такой незащитный, пронзил его острее любого магического клинка.

— Позволь мне проводить тебя, — сказал он, поднимаясь. Это была не просьба, а решение.

Алина изучающе посмотрела на него.

— Ты странный, Аэлиан. Опасный?

— Для тебя? Нет. Для себя — возможно.

Она рассмеялась, и этот звук был похож на звон хрусталя, в который дует ветер.

— Ладно. Проводи. Мне вон туда, — она кивнула в сторону старого района с двухэтажными домами.

Они шли медленно, подстраиваясь под её неспешный, немного неуверенный шаг. Говорили о пустяках — о вкусе осенних яблок, о том, как меняется свет в пять часов вечера, о книгах, которые стоит прочесть перед концом света. И с каждым словом, с каждым обменом взглядами, напряжение росло. Оно висело в воздухе, как предгрозовая влажность. Он ловил запах её кожи — теплый, с оттенком миндального мыла и чего-то горьковатого, лекарственного. Она, в свою очередь, украдкой разглядывала его профиль, линии рук, лежащих в карманах пальто.

— Здесь я, — сказала она, останавливаясь у калитки покосившегося деревянного дома. — Спасибо за компанию. И за то, что не стал говорить банальности вроде «держишься» или «все будет хорошо».

— Потому что это неправда, — сказал Аэлиан. — Все будет не хорошо. Все закончится. И в этом... есть своя ужасная красота.

Алина замерла, глядя на него широко открытыми глазами. Потом она шагнула вперед, сократила дистанцию до нуля. Её лицо было так близко, что он видел каждую веснушку на переносице, каждую ресницу.

— Ты первый, кто не боится этого говорить, — прошептала она. — Ты не боишься меня. Моей тени.

— Я видел столько теней, что они стали мне роднее света, — его голос прозвучал как бархатный шепот.

Она подняла руку и кончиками пальцев, холодными от ветра, коснулась его щеки. Прикосновение было легким, как падение снежинки, но для Аэлиана оно прозвучало громовым ударом. Тысячелетия он не чувствовал ничего, кроме смутного давления времени, а тут — четкий, конкретный холод её кожи, шероховатость подушечек пальцев, живые линии судьбы на ладони, которую он инстинктивно видел сквозь плоть. Он замер, боясь пошевелиться, боясь спугнуть это чудо — ощущение.

— Ты настоящий, — прошептала Алина, и в её голосе прозвучало изумление. — Я думала, ты мираж. Призрак из моих мыслей о конце.

— Я более реален, чем хотел бы, — ответил он, и его собственная рука поднялась, будто против воли, накрыла её холодные пальцы, прижала их к своей щеке. Его кожа, вечно сохраняющая одну температуру, должна была казаться ей теплой. Но в этот миг он сам чувствовал, как по ней пробегает ток, почти болезненный, почти желанный. — А ты... ты обжигаешь.

Она не отняла руку. Её взгляд опустил на их соединенные пальцы, потом снова поднялся к его глазам. В золотисто-коньячной глубине плескалось что-то тревожное, любопытное, голодное.

— Зайдешь? — спросила она вдруг, без предисловий, как будто вопрос висел в воздухе с самого начала. — У меня есть кофе. Или чай. И... тишина. Её здесь много.

Аэлиан колебался. Войти в дом смертной. Позволить этому... этому всплеску жизни проникнуть в его вымороженный мир. Это было опаснее, чем любая битва. Но отказ означал вернуться к променаду, к пустоте, к следующему воспоминанию, готовому к стиранию. Он видел, как её грудь поднимается в неглубоком, чуть учащенном дыхании, как трепещет пламя волос на ветру. Её приглашение было маяком в его бесконечной ночи. И он, мореплаватель, уставший от темноты, не мог не пойти на свет, даже зная, что это пламя скоро погаснет.

— Да, — сказал он просто.

Улыбка, тронувшая её губы, была самой искренней вещью, которую он видел за последний век. Она открыла калитку, и они прошли по узкой, заросшей поздними осенними цветами дорожке к крыльцу. Дом пах старым деревом, воском и сушеными травами. Внутри было полутемно, уютно и очень просто. Книжки стопками на полу, мольберт у окна, завешенный тканью, плед на грубоватом диване.

Алина сбросила платок, и Аэлиан задержал дыхание. Она была худа, слишком худа, линии ключиц и запястий выступали резко, как у птицы. Но в этой хрупкости была изумительная грация. Движения её, когда она зажигала лампу и шла к маленькой кухне, были точными и экономными, будто она ценила каждую потраченную каплю энергии.

— Садись, — сказала она из соседней комнаты. — Я сейчас.

Он сел на край дивана, ощущая странность происходящего. Его взгляд скользнул по рисункам, приколотым к стене. Море в разных настроениях. Лицо старухи с рынка. Автопортрет — на нем были те самые глаза, полные знания и печали. И везде — этот виртуозный штрих, ловящий самую суть, миг между бытием и небытием. Она была художником не форм, а переходов. Как и он, в сущности. Только она запечатлевала, а он уничтожал.

Она вернулась с двумя глиняными кружками. Села рядом, но не вплотную, оставив между ними расстояние в полметра, которое, однако, ощущалось как сантиметр. Пахло крепким кофе и её — миндалем, акварелью, жизнью.

— Так кто ты, Аэлиан? — спросила она, отпивая маленький глоток и наблюдая за ним поверх края кружки. — Настоящий ответ. Не «что-то вроде древнегреческого».

Он взял свою кружку, почувствовав жар через грубую глину. Напиток был горьким, обжигающим. Настоящим.

— Я тот, кто живет слишком долго. Настолько долго, что память стала бременем, а будущее — тюрьмой. Я ищу способ забыть. Все. Чтобы наконец перестать быть.

Она слушала, не перебивая, её взгляд был серьезным и принимающим.

— А я ищу способ запомнить все, что успею, — сказала она. — У меня опухоль. Здесь. — Она чуть коснулась ладонью боковой части грудной клетки. — Неоперабельная. Химия купирует, но ненадолго. Год, может, меньше. Может, несколько месяцев. Врачи разводят руками. Так что мое будущее измеряется в закатах. И в рисунках.

Говорила она об этом без пафоса, с простой, очищающей жестокостью. И в этой жестокости была свобода.

— И ты не боишься? — спросил он, и вопрос был искренним. Он, видевший столько смертей, не понимал этого спокойствия.

— Боюсь боли, — призналась она. — А конца... нет. Это как... ждать поезда, расписание которого тебе известно. Ты можешь злиться, что он придет, но само ожидание становится частью пути. Я просто стараюсь смотреть в окно и запоминать пейзаж.

Он поставил кружку, повернулся к ней. Вечерний свет из окна падал на её профиль, освещая полупрозрачную кожу у виска, мелкие золотистые волоски на щеке.

— А что ты хочешь запомнить больше всего? — его голос стал тише, интимнее.

Алина медленно перевела на него взгляд. В нем что-то вспыхнуло — не грусть, а вызов.

— Прикосновение, — сказала она прямо. — Не медицинское. Не сочувственное. Настоящее. Желанное. Чтобы знать, каково это — чувствовать себя желанной, когда твое тело становится врагом. Чтобы этот миг остался со мной там, где уже ничего нет.

Воздух в комнате сгустился, стал сладким и тяжелым, как мед. Аэлиан чувствовал, как древняя, давно уснувшая часть его существа пробуждается с рокотом. Это была не просто похоть. Это было признание. Голод души, отраженный в голоде плоти. Она предлагала ему не утешение, а обмен: он давал ей ощущение жизни, а она — ощущение реальности, привязку к «здесь и сейчас», которую он так яростно пытался уничтожить.

Он протянул руку. Не к её лицу, а к её руке, лежавшей на коленях. Охватил её запястье, почувствовал под пальцами тонкую, хрупкую кость, бешеный, частый пульс.

— Ты желанна, Алина, — сказал он, и каждое слово было клятвой, высеченной в камне. — Сейчас. Таким, какой ты есть. Со своей тенью. Своей болью. Своим пламенем.

Глаза её наполнились слезами, но она не заплакала. Она наклонилась вперед, преодолевая ту самую дистанцию в полметра. Её дыхание коснулось его губ — теплое, с горьковатым привкусом кофе.

— Докажи, — прошептала она.

Это был вызов, который он не мог проигнорировать.

Его рука скользнула ей в волосы, погрузилась в мягкую, шелковистую медную гущу.

Она вздохнула, и этот звук был похож на падение последнего листа с дерева — обреченный и прекрасный. Аэлиан наклонился, позволив губам найти её губы. Первое прикосновение было вопросом, едва ощутимым, пробой реальности. Второе — утверждением.

Её губы были суховаты, чуть потрескавшиеся от ветра, но невероятно теплыми, живыми. Он вкусил горьковатый след кофе, соль собственных слез, которые так и не пролились, и под всем этим — чистый, острый вкус её, Алины, той самой, что рисовала умирающие волны. Она ответила ему немедленно, без стеснения, её рот открылся, и её язык встретил его с отчаянной смелостью. Поцелуй углубился, стал влажным, жадным. Она вцепилась пальцами в складки его свитера, притягивая его ближе, как будто боялась, что он испарится.

Аэлиан чувствовал, как мир сужается до точки. До тепла её рта, до шелковистой тяжести волос в его пальцах, до прерывистого, шумного дыхания, которое она прерывала, чтобы вдохнуть его воздух. Тысячелетия отступили, превратились в белый шум. Здесь, сейчас, существовала только эта женщина, чье сердце билось так бешено, словно пыталось выпрыгнуть из хрупкой клетки ребер. Он забыл, каково это — быть захваченным чувством. Это было похоже на падение с огромной высоты, но без страха, с полным принятием конца полета.

Она оторвалась, чтобы перевести дух, её лоб упал ему на плечо. «Не останавливайся, — прошептала она в ткань его одежды. — Пожалуйста».

Его руки скользнули под её тонкую шерстяную кофту, нашли теплую кожу спины. Он ощутил под пальцами каждый позвонок, выступающий, как бусины на нитке. Такую хрупкость. Он боялся сломать её одним неловким движением. Но Алина выгнулась навстречу его прикосновениям, и её жест был полон такого доверия, что у него перехватило дыхание.

— Я не причиню тебе боли, — пробормотал он, целуя её виски, веки, соль у уголков глаз.

— Боль уже есть, — ответила она, глядя на него сквозь полуприкрытые ресницы. — Ты можешь дать что-то другое. Дай.

Он снял с нее кофту, медленно, следя за её реакцией. Она сидела перед ним в простом хлопковом топе, и он видел, как четко очерчены ключицы, как впал живот. Шрам от биопсии, тонкая белая линия ниже ребер. Это тело говорило о борьбе и поражении. И все же оно было прекрасно. Прекрасно своей правдой, своей незащищенностью, своим упрямым горением.

Алина, видя его взгляд, не потупила глаз. Напротив, она подняла руки и стянула топ через голову. Воздух в комнате был прохладным, и её кожа покрылась мурашками. Соски на маленькой, почти девичьей груди затвердели. Она была обнажена перед ним не только физически.

— Я не красива, — сказала она просто, не как жалоба, а как факт.

— Ты — сама жизнь, — возразил он, и его голос звучал хрипло. — А жизнь в момент своего ухода — самое прекрасное и невыносимое зрелище.

Он наклонился и прижал губы к тому месту, где под кожей пульсировала тень опухоли. Не к самой груди, а к ребру, к боковой части, где, как он знал, таился враг. Поцелуй был нежным, почти благоговейным. Алина вздрогнула, и из её горла вырвался сдавленный стон — не от боли, а от неожиданности, от того, что кто-то коснулся самого эпицентра её смерти без страха и отвращения.

После этого все замедлилось и ускорилося одновременно. Его пальцы разучили каждую выпуклость её ребер, каждое углубление на талии. Его губы следовали за пальцами, оставляя влажные, горячие следы на её холодной коже. Он дышал ей, впитывал её запах — теперь чистый, без слоев одежды, запах тепла, легкой испарины и той самой горькой медицины, которая стала частью её ауры. Алина отвечала ему дрожью, тихими всхлипами, пальцами, которые рвали ткань его одежды, пытаясь добраться до него.

Когда он наконец сбросил свою одежду, она замерла, рассматривая его. Его тело было безупречным — без шрамов, без следов времени, с гладкой кожей и рельефом мышц, который не менялся веками. Нечеловечески совершенным.

— Как статуя, — прошептала она, проводя ладонью по его груди. — Холодная.

— Согрей меня, — попросил он, и это была самая искренняя просьба, которую он кому-либо делал.

Она притянула его к себе, прижалась всем телом. Контраст был разительным: её хрупкое, теплое, смертное тело против его твердого, прохладного, вечного. Но в точке соприкосновения начиналось что-то новое. Тепло перетекало от нее к нему, а его холод, кажется, притуплял глухую, фоновую боль, которую она всегда носила в себе.

Он уложил её на диван, на мягкий, потертый плед. Свет лампы рисовал золотые блики в её волосах, отбрасывал длинные тени под скулами. Он смотрел на нее, и в этот миг Аэлиан понял, что не стирает воспоминание.

Глава 4

Он переступил порог, и мир сжался до размеров прихожей, пропахшей масляной краской, скипидаром и чем-то сладковатым — сушеными травами или, может, самым временем, застрявшим в углах. Алина сбросила туфли, и её босые ноги, бледные, с синеватыми прожилками, бесшумно скользнули по потертому паркету.

— Проходи, — сказала она через плечо, и голос её звучал уже иначе — не как на набережной, вынужденно громкий из-за ветра, а тихо, почти интимно. — Извини за беспорядок. Беспорядок — мой основной соавтор.

Аэлиан огляделся. Беспорядок был одушевленным, почти разумным. Холсты стояли лицом к стенам, как наказанные дети. На одном, прислоненном к книжной полке, он разглядел вспышку алого — мак, разорванный ветром. На другом — абрис человеческой фигуры, растворенный в серо-голубых разводах. На подоконнике в стеклянных банках торчали кисти, их щетина засохла в причудливых, страдальческих позах. И повсюду — бумага. Наброски, эскизы, просто клочки, где карандашный штрих ловил изгиб ветки, профиль незнакомца, тень от чашки.

— Ты не рисуешь, — произнес он, следуя за ней в небольшую комнату, служившую, судя по всему, и гостиной, и спальней, и мастерской. — Ты ловишь. Прячешь кусочки мира, пока они не исчезли.

Алина обернулась, и в её глазах мелькнуло удивление, а затем — признательность.

— Да. Именно так. Садись, где хочешь. Хочешь чаю? Кофе? Вина? У меня есть странное вино, которое мне прислал друг из Грузии. Оно пахнет кожей и дымом.

— Кофе, — сказал Аэлиан. Он выбрал старый кожаный диван, провалившийся посередине. Сидение приняло его форму с тихим стоном пружин.

Она исчезла на крохотной кухне, и он слышал, как звенит ложка о фарфор, как шипит вода. Он сидел неподвижно, позволяя пространству впитываться в него. Здесь не было печати вечности, как в его собственной, нарочито пустой квартире. Здесь все дышало скоротечностью. Каждый предмет был свидетелем мгновения, которое уже не повторится. Даже воздух был другим — заряженным не магией, которая для него была лишь угасающим эхом, а чем-то более острым и хрупким: жизнью, проживаемой вполсилы, но с удесятеренной интенсивностью.

Она вернулась с двумя большими чашками. Пахло крепким, почти горьким кофе.

— Без сахара, — сказала она, подавая ему чашку. — Я угадала?

— Угадала.

Она села напротив, в глубокое кресло, поджав под себя ноги. Теперь, при свете лампы под абажуром из желтого стекла, он видел все детали. Тонкие морщинки у глаз — не от возраста, а от привычки щуриться, всматриваясь вдаль или в работу. Легкую прозрачность кожи на висках, где просвечивали голубые жилки. И ту самую тень, не физическую, а метафизическую, ту самую печать, которую он разглядел сразу. Она висела над ней легкой, но неотвратимой дымкой.

— Ты так и не сказал, как тебя зовут, — заметила Алина, отпивая кофе.

— Аэлиан.

— Аэлиан, — повторила она, словно пробуя имя на вкус. — Редкое. Старинное. Тебе оно подходит. А я — Алина. Ты уже знаешь.

— Знаю.

Она смотрела на него прямо, без стеснения.

— И ты знаешь, что я умираю.

Это было не вопрос, а констатация. Он кивнул, один раз, медленно.

— Да. Я вижу.

— А я вижу, что ты... не живешь. Во всяком случае, не так, как все. Ты как будто давно умер, но забыл об этом и ходишь среди живых по инерции.

Её слова ударили в самую сердцевину с такой точностью, что он едва не дрогнул. Тысячелетняя усталость, накопленная в каждом атоме его существа, отозвалась глухим гулом.

— Возможно, ты права.

— Что же ты ищешь, Аэлиан? Если не жизнь?

— Забвение, — выдохнул он, и впервые за долгие годы это слово прозвучало не как цель, а как признание поражения.

Алина поставила чашку. Её глаза стали мягче, почти жалостливыми, но не к нему — к тому, что он сказал.

— А я ищу обратное. Я хочу все запомнить. Каждый луч света на этой стене. Запах кофе. Ощущение этой колючей ткани кресла под ладонью. Даже боль. Особенно боль. Потому что это доказательство того, что я ещё здесь.

Контраст был настолько оголенным, что между ними повисло молчание. Он, вечный, желавший стереть себя в небытие. Она, мимолетная, цепляющаяся за каждую песчинку существования.

— Почему ты пришел со мной? — спросила она тихо. — Из жалости?

— Нет. — Его ответ прозвучал резко. — Не из жалости. Я... почувствовал свет. Внутри тебя. Такой яростный и короткий, как вспышка магния. Мне захотелось быть ближе к нему. Пока он не погас.

Её губы дрогнули. Она отвела взгляд, потом снова встретился с ним.

— У меня была мечта, — сказала она, и голос её стал ещё тише, но от этого только увереннее. — Глупая, наверное. Прежде чем все кончится... я хотела почувствовать себя желанной. Не как больная, не как объект заботы или сочувствия. А как женщина. Чтобы кто-то захотел меня не вопреки, а... потому что. Потому что я есть. Даже такая.

Аэлиан замер. Вечность научила его читать желания, скрытые под слоями слов, условностей, страхов. Её желание было кристально чистым и отчаянно человеческим. Оно не было о простом физическом акте. Оно было о подтверждении бытия. О том, чтобы оставить на коже памяти отпечаток другого тела, как доказательство: я была здесь, меня касались, я не исчезла бесследно.

— Ты желанна, — сказал он, и слова эти, вырвавшиеся помимо воли, прозвучали не как комплимент, а как древнее заклинание, как констатация факта мироздания.

Она встала. Медленно, как бы преодолевая невидимое сопротивление. Подошла к нему. Её движения были лишены кокетства, в них была только обнаженная решимость. Она остановилась перед ним, между его коленями. Её пальцы коснулись его щеки — легкое, исследующее прикосновение, которое он почувствовал всем существом, как ожог.

— А ты? — прошептала она. — Ты можешь захотеть? Или в тебе остались только тени?

Вопрос был вызовом. Ему, чье тело было совершенной, неизменной оболочкой, давно забывшей, что значит по-настоящему жаждать. Ему, кто столетиями подавлял в себе любые порывы, видя в них лишь источник новых мучительных воспоминаний.

Но когда её пальцы скользнули по линии его челюсти, когда он вдохнул её запах — краски, кофе и что-то неуловимо-сладкое, возможно, шампунь, — в глубине, под толщей ледяного безразличия, что-то дрогнуло. Не желание, нет. Нечто более древнее и фундаментальное. Ответ на её свет. На её отчаянную, обреченную жажду жизни.

Он поднял руку и накрыл её ладонь своей. Её кожа была теплой, живой, пульсирующей под его пальцами тонкой, частой дрожью.

— Внутри меня пустота, Алина, — сказал он честно. — Я могу дать тебе только её.

— Пустота... может быть именно то, что мне нужно, — закончила она фразу, не отводя руку. — Чтобы наполнить её собой. Хотя бы на время.

Её слова повисли в воздухе, смешавшись с ароматом кофе и пыли. Аэлиан почувствовал, как под его ладонью её пульс участился, словно маленькая птица, бьющаяся о ребра. Это был ритм конечности, отсчет, который он перестал слышать в себе веками. И в этом ритме была такая невыносимая, такая хрупкая красота, что его собственная пустота заняла, как давно забытая рана.

— Ты не понимаешь, — голос его сорвался, став низким, почти шепотом. — То, что я могу дать, — это не полнота. Это тишина. Это отсутствие.

— А я тебе предлагаю присутствие, — парировала она, и её пальцы вновь задвигались, скользя по его скуле к виску, к линии волос. — Мое. Здесь и сейчас. Разве это не сделка? Твоя тишина — за мой шум. Моя жизнь — за твое... что там у тебя?

Она наклонилась ближе. Её дыхание коснулось его губ — теплое, с легкой горчинкой кофе. Аэлиан закрыл глаза. Внутри него бушевала тысяча лет противоречий. Инстинкт самосохранения, отточенный столетиями уединения, кричал, чтобы он отступил, чтобы оставил эту вспышку человеческого света гореть в одиночестве, не обжигаясь. Но что-то другое, более глубокое и дремавшее так долго, что он уже считал его мертвым, медленно шевельнулось. Это было не желание в обычном смысле. Это была жажда... не забвения, а наоборот, воспоминания. Воспоминания о том, каково это — быть живым. Чувствовать не как наблюдатель, а как участник.

— Я боюсь причинить тебе боль, — выдохнул он, открыв глаза. Её лицо было так близко, что он видел каждую ресницу, легкую сухость кожи на губах, расширенные зрачки, в которых отражался его собственный, застывший лик.

— Боль — это часть сделки, — прошептала Алина. — Я не боюсь своей. А твоей... У тебя разве ещё осталось что-то, что может болеть?

Он не ответил. Вместо этого его руки сами нашли её талию — хрупкую, почти невесомую под тонкой тканью свитера. Он притянул её к себе, и она потеряла равновесие, мягко опустившись к нему на колени. Легкость её тела была обманчивой; в ней была плотность сжатой пружины, вся энергия, отведенная ей на жизнь, собранная в этом одном моменте.

Их губы встретились не сразу. Сначала он просто прижался лбом к её лбу, вдыхая её, позволяя её теплу проникать сквозь ледяную корку его бесчувствия. Она издала тихий, сдавленный звук — не страха, а признательности. Её руки обвили его шею, пальцы впелись в его волосы.

Первый поцелуй был исследованием. Её губы были мягкими, настойчивыми, они двигались против его неподвижности, прося, требуя ответа. Аэлиан отдался этому медленно, как человек, погружающийся в ледяную воду. Сначала шок — от близости, от тепла, от вкуса. Потом — медленное пробуждение нервных окончаний, которые он давно считал атрофированными. Он ответил ей, и его поцелуй из робкого стал глубоким, властным. В нем проснулась память — не о конкретной женщине, а о самом акте, о том, как губы могут говорить то, для чего нет слов.

Она откинула голову назад, обнажив горло, и он приник к этому пульсирующему месту губами, чувствуя, как бьется жизнь под тонкой кожей. Его руки скользнули под её свитер, нашли теплый, шелковистый живот. Она вздрогнула, но не отстранилась, а, наоборот, прижалась сильнее.

— Дай мне все, — прошептала она ему в ухо, и её голос был хриплым от желания. — Даже если это ничего. Особенно если это ничего.

Он поднял её на руки — она весила так мало — и перенес на узкую кровать, заваленную подушками и скомканным одеялом. Окно было приоткрыто, и ночной воздух, холодный и влажный, смешивался с жаром, поднимающимся от их тел. Аэлиан стоял над ней, смотря, как она сбрасывает свитер через голову. Её тело было бледным, почти прозрачным, с выступающими ключицами и ребрами. Следы болезни были написаны на нем, как карта убывающей

территории. Но в её глазах горел такой огонь, что эти следы становились не признаками угасания, а шрамами яростной битвы за каждое мгновение.

Он разделся быстро, без стеснения. Его собственное тело было безупречным, лишенным изъянов, вечно застывшим в расцвете сил. Контраст был мучительным и прекрасным. Она протянула к нему руки.

— Ты так прекрасен, — сказала она, и в её голосе не было зависти, только грусть и восхищение. — Как мраморная статуя.

— А ты живешь, — ответил он, опускаясь рядом с ней. — Каждая твоя клетка кричит об этом.

Он начал с поцелуев. Медленных, тщательных, как если бы он хотел запомнить карту её тела. Каждую родинку на плече, шрам от давно забытой царапины на колене, тонкие растяжки на боках. Он целовал впадину между грудями, чувствуя, как её сердце колотится, как загнанное. Его губы скользили по ребрам, и он слышал её прерывистое дыхание. Его руки ласкали её бедра, внутреннюю поверхность, такую нежную, что казалось, кожа вот-вот порвется под его пальцами.

— Аэлиан... — простонала она, когда его пальцы нашли её влажность, жаркую и готовую. Её тело выгнулось, и она вцепилась ему в плечи.

Для него это было путешествием в забытый мир. Каждый её вздох, каждый стон, каждая произвольная дрожь были громче любых слов. Он чувствовал, как его собственная пустота начинала заполняться этими звуками, этими ощущениями. Не мыслями, не эмоциями — чистым, нефильтрованным сенсорным потоком. Её запах — теперь смесь возбуждения, пота и того неуловимого сладкого оттенка — стал для него единственным ароматом в мире.

Когда он вошел в нее, она закричала — тихо, сдавленно, и слезы выступили у нее на глазах. Не от боли, понял он, а от переполнения. От того, что чувство было слишком интенсивным, слишком реальным. Он замер, давая ей привыкнуть, чувствуя, как её тело сжимается вокруг него, плотное, живое, неумолимо настоящее.

— Не останавливайся, — выдохнула она, и её ноги обвили его поясницу. — Пожалуйста.

Он начал двигаться. Медленно сначала, сосредоточенно, следя за каждым изменением в её лице. Потом быстрее, подчиняясь ритму, который диктовало её тело, её короткие, прерывистые вздохи. Её руки бродили по его спине, впивались в него, цеплялись, как если бы она пыталась вскарабкаться на него, подняться выше, дальше от пропасти, которая ждала её в конце.

Аэлиан потерял счет времени. Вечность, которую он носил в себе, сжалась в этот один, бесконечно растянутый миг. Не было прошлого, не было будущего. Было только темное, захлавленное пространство комнаты, скрип кровати, их сплетенные тела, сливающиеся в одно целое. Он чувствовал, как её внутренности сжимаются вокруг него все сильнее, как волна нарастает в глубине её живота. Её глаза были широко открыты, смотрели прямо на него, и в них он видел не себя, а отражение того самого яростного, короткого света который горел теперь не где-то в глубине, а здесь, на поверхности, вырвавшись наружу в этом последнем, отчаянном самоутверждении. Он видел, как этот свет заливает её изнутри, как он пульсирует в такт их движениям, становясь все ярче, нестерпимее. И тогда он позволил себе то, чего не позволял веками — отпустить контроль. Не думать. Не анализировать. Просто чувствовать.

Его собственное тело, долго бывшее лишь удобной оболочкой, внезапно напомнило о себе волной нарастающего напряжения. Оно было чужим, почти враждебным в своей интенсивности. Каждый нерв, каждая мышца кричали, требуя разрядки. Алина почувствовала это изменение в его ритме, в жесткости его объятий. Она притянула его лицо к себе и прошептала прямо в губы, обжигая дыханием:

— Со мной. Пожалуйста, сейчас.

Это было разрешение. Или, скорее, мольба. Он в последний раз глубоко вошел в нее, прижав её к матрасу всем весом, и ощутил, как её тело вдруг содрогнулось в серии мелких,

частых судорог. Её крик был беззвучным — лишь горячий выдох в его рот, и глаза закатились, обнажив белки. Внутри нее все сжалось, затрепетало, обхватывая его пульсирующей, влажной волной. И это, наконец, сорвало его с той мертвой точки, в которой он пребывал. Волна забвения, которую он так искал, нахлынула не извне, а изнутри, из самого центра этого соединения. Слепой, животный спазм вырвал из его горла низкий стон, которого он сам не узнал. Он погрузился в нее до конца, и мир на мгновение рассыпался на осколки чистого, бессмысленного ощущения.

Он лежал на ней, тяжелый, недвижимый, прислушиваясь к бешеному стуку двух сердец — её, частого и легкого, как трепет крыльев, и своего, мерного, глухого, но все ещё отдающегося гулом в ушах. Пот медленно остывал на их коже. Запах секса, соли и влажного тела висел в воздухе, перемешиваясь с пылью и красками. Из открытого окна дул прохладный ветерок, и он чувствовал, как по её спине пробегает мелкая дрожь.

Осторожно, чтобы не придавить её хрупкий каркас, он перекатился на бок, унося её с собой, так что они оказались лицом к лицу, все ещё соединенные, но уже неподвижные. Её глаза были закрыты. По щекам струились слезы, оставляя блестящие дорожки на бледной коже.

— Алина, — тихо позвал он.

Она открыла глаза. В них не было ни стыда, ни сожаления. Только глубокая, бездонная усталость и что-то вроде удивления.

— Я запомню это, — выдохнула она. — Каждую секунду. Даже вот эту... когда все уже кончилось, и стало тихо.

Он не знал, что сказать. Пустота, на которую он жаловался, не исчезла. Но в ней теперь звенел странный, новый отзвук — эхо её трепета, её крика, её тепла. Это не было заполнением. Это было как след на песке — отчетливый, но обреченный быть смытым следующим приливом.

Её рука потянулась к его лицу, пальцы провели по его губам.

— Ты плачешь? — спросила она с легким изумлением.

Он дотронулся до своей щеки. Кончики пальцев оказались влажными. Он смотрел на эту влагу, не понимая. Его тело совершило акт, который должен был быть чисто физиологическим. Но эти слезы... они пришли откуда-то из глубины, из тех пластов, которые он считал навсегда иссохшими.

— Кажется, да, — произнес он хрипло.

— Значит, не все в тебе мертво, — прошептала она, и в уголках её губ дрогнула слабая, победоносная улыбка. — Я достучалась.

Она поморщилась, и он почувствовал, как её тело напряглось от внезапной, внутренней боли. Не от него — от болезни, которая не дремлет. Он инстинктивно притянул её ближе, как бы пытаясь своим холодным бессмертием согреть, защитить. Это было бесполезно, и он знал это.

— Больно? — спросил он.

— Всегда немного больно, — она прижалась лбом к его груди. — Но сейчас... сейчас это просто ещё одно ощущение. Оно вписано в общую картину. И картина эта... она того стоила.

Они лежали в тишине, слушая, как за окном проезжает редкая машина, как где-то капает вода. Постепенно их тела разделились. Он встал, нашел в полумраке кухню, намочил полотенце теплой водой. Вернулся и осторожно вытер её лоб, шею, живот. Она наблюдала за его движениями с той же пристальностью, с какой изучала лица на улице.

— Ты умеешь заботиться, — заметила она.

— Я умею следовать процедурам. Забота... это нечто иное.

— Для меня сейчас — это одно и то же.

Он лег рядом, и она пристроилась в изгибе его руки, прижавшись спиной к его груди. Её позвоночник выступал маленькими бугорками под его ладонью. Он проводил по нему пальцами, чувствуя жизнь, утекающую сквозь эту хрупкую преграду.

— Что ты почувствовал? — спросила она через некоторое время, голос сонный, но настойчивый. — В тот момент. Говори честно.

Аэлиан задумался. Честно? Как описать катаклизм ощущений тому, для кого они являются нормой?

— Я почувствовал... шум, — нашел он наконец слова. — Внутри себя. Твой стон, твое дыхание, биение твоего сердца — все это стало звуком внутри моей тишины. И на мгновение... тишина перестала быть пустотой. Она стала сосудом. Для этого шума.

— А потом?

— Потом шум затих. Осталось эхо.

— Эхо лучше, чем ничего, — пробормотала она, и её дыхание стало ровнее, глубже. Она засыпала.

Он лежал без сна, уставившись в потолок, где тень от абажура рисовала дрожащий круг. Его тело, удовлетворенное, постепенно возвращалось к своему обычному, отстраненному состоянию. Но в центре груди, там, где должно было быть сердце, оставался странный, ноющий след. Не боль. Не радость. Что-то вроде... свежего шрама.

Он думал о её свете. О том, как она, обреченная на угасание, сжигала себя ярче, чем любой из вечных, кого он знал. Она не цеплялась за жизнь — она впивалась в нее зубами, вырывая куски, проглатывая их с жадностью, зная, что больше не будет. В его вечности не было места такой ярости. Была лишь бесконечная, утомительная перспектива, в которой все чувства притуплялись, стирались, как рисунки на песке под вечным ветром.

Алина пошевелилась во сне, издала тихий вздох и снова затихла.

Глава 5

Свет за окном был молочным, рассеянным, словно город кутался в тонкую марлю тумана. Аэлиан не спал. Он сидел в кресле у неровной деревянной столешницы, которую Алина использовала как рабочий стол, и наблюдал, как её грудь под тонким одеялом мерно поднимается и опускается. Ритм был хрупким, чуть сбивчивым — нездоровое сердце, уставшие легкие. Он знал эти признаки. Он видел их бесчисленное множество раз.

Но впервые он не просто констатировал факт. Впервые этот факт отзывался тупой, глубокой болью где-то под ребрами, там, где у смертных, как он смутно помнил, располагалась душа. Он касался пальцами собственных губ, все ещё чувствуя на них её вкус — горьковатый от лекарств, сладковатый от её слюны, безнадежно живой. Это новое воспоминание не было туманным, как все остальные. Оно кристаллизовалось с жестокой четкостью: каждый вздох, каждый стон, тепло её кожи под его ладонями, влага между её бедер, яростный блеск в её глазах, когда она цеплялась за него, как утопающая за соломинку.

Он пытался сделать то, что делал всегда: взять этот свежий сгусток опыта, этот яркий шар света, и сжать его в уголь, в пепел, в топливо для мелкого, бесполезного колдовства. Но что-то сопротивлялось. Воспоминание не поддавалось. Оно жгло изнутри, но не сгорало. Оно было похоже на занозу, вонзившуюся в плоть вечности.

Алина пошевелилась, издала короткий, болезненный звук, прежде чем сознание полностью вернулось к ней. Её лицо сморщилось от спазма, рука инстинктивно потянулась к боку, где под кожей таилась тень, пожирающая её изнутри. Аэлиан встал, беззвучно подошел к крошечной кухне, налил в стакан воды. Когда он вернулся, она уже приподнялась на локтях, смотря на него спутанными, медными прядями.

— Ты ещё здесь, — её голос был хриплым от сна. В нём не было удивления, только усталое удовлетворение.

— Я здесь, — просто сказал он, протягивая стакан.

Она сделала несколько глотков, морщась. Потом откинулась на подушки, изучая его. Её взгляд, всегда такой прямой, сейчас казался особенно пронизательным.

— Ты плакал. Вчера. В самом конце.

Аэлиан не стал отрицать. Он сел на край кровати, ощущая под собой тепло её ноги под одеялом.

— Да.

— Почему?

Он долго молчал, подбирая слова, которые бы что-то значили в её мире, измеряемом неделями и месяцами.

— Потому что я забыл, каково это — чувствовать. А ты... ты чувствуешь всё с такой силой, что это заразительно. Как лихорадка.

Алина слабо улыбнулась.

— Страшный диагноз, да. Лихорадка чувств. Смертельный. — Она потянулась и положила ладонь ему на щеку. Прикосновение было прохладным. — А ты знаешь, что я подумала, когда засыпала?

— Что?

— Что я, наверное, украла у тебя что-то. Немного покоя. Немного того забвения, которое ты так ищешь.

— Ты не украла, — его голос прозвучал резче, чем он планировал. — Ты... встроила. Вставила новый фрагмент в мозаику, которую я пытаюсь разбить.

— И он не выковыривается?

— Нет. Он держится.

Глаза Алины блеснули победным, печальным огоньком.

— Значит, не всё потеряно. Даже для тебя.

Она попыталась резко сесть, и лицо её снова исказила гримаса боли. Аэлиан среагировал быстрее мысли. Его рука легла на её бок, поверх простыни, на то место, где, как он знал, гнездилась опухоль. Он не произносил заклинаний. Он просто позволил крошечной щепотке силы — не из памяти, а из чего-то другого, свежего и тревожного, что клокотало в нём с прошлой ночи, — сочиться через кончики пальцев. Это была не исцеляющая энергия. Исцелить её было нельзя, законы мира, даже остаточные, не позволяли отменить смерть, заложенную в плоти. Это было... притупление. Смягчение острого края. Как если бы он обернул лезвие внутри неё толстым слоем шелка.

Алина вздохнула, и её тело обмякло.

— Что это? — прошептала она.

— Ничего. Просто тепло рук.

— Враньё, — она прикрыла глаза, наслаждаясь облегчением. — Но такое приятное враньё. Спасибо.

Он убрал руку, чувствуя странную пустоту. Он не сжёг воспоминание для этого. Он использовал что-то иное. И это пугало.

День тек медленно, сиропно. Аэлиан, нарушив все свои привычные маршруты, остался. Он готовил ей чай, наблюдал, как она, сидя в кресле, завернувшись в тот самый оранжевый платок, пытается набросать в альбоме штрихи — не пейзаж, а его профиль, повернутый к окну. Линии выходили нервными, прерывистыми.

— Не получается, — с досадой сказала она, откладывая карандаш. — Ты не хочешь сидеть на месте. Ты всё время куда-то ускользаешь, даже когда физически здесь.

— Я здесь, — повторил он, как мантру.

— Нет. Ты в своих веках. В пепле. — Она посмотрела на него. — Покажи мне.

— Что?

— Покажи мне, где ты был. Хоть что-то. Ты говорил о южном море. Покажи.

Это была просьба, граничащая с требованием. С вызовом. Аэлиан почувствовал, как старые механизмы защиты приходят в движение. Показать — значит сделать её частью памяти. Значит, укрепить её там, откуда её уже не вырвать.

— Это будет стоить тебе боли, — сказал он сухо. — Магия, даже такая, не даётся даром. Я приглушил твою боль утром. Для большего... потребуется плата.

— У меня осталось только это, — Алина развела руками, указывая на своё тело, на комнату. — Моя боль. Мои жалкие недели. Бери, если тебе нужно. Но покажи.

Безумие. Абсолютное безумие. Но в её глазах горел тот же яростный свет, что и вчера, когда она притягивала его к себе. Свет, который он уже не мог просто стереть.

Он вздохнул. Подошёл к центру комнаты, где на полу лежал потёртый коврик. Закрыв глаза. Он не стал сжигать яркое воспоминание о ней. Он потянулся глубже, в запасник потускневших, почти безликих образов. Нашёл один: библиотека в городе, которого больше не существовало. Пыльные свитки, запах воска и старости. Ничего личного. Пустое место.

Сжал его в кулаке своего сознания. Ощутил знакомое горькое удовлетворение, когда фрагмент бытия обратился в ничто, в чистую энергию. Затем выпустил её.

Воздух в комнате заколебался, стал гуще. Свет из окна помутнел, приобрёл золотистый, пыльный оттенок. И перед Алиной, словно проступая сквозь плёнку, возникло призрачное видение: высокие дубовые стеллажи, груды пергаментов, стол, на котором лежала развёрнутая карта с нанесёнными морями, которых никто уже не помнил. В воздухе витал запах — не просто пыли, а времени, осевшего толстым слоем.

Алина ахнула. Она поднялась с кресла, шагнула вперёд, протянула руку. Её пальцы прошли сквозь фантом стола, вызвав лёгкую рябь, как на воде.

— Боже... Это... — прошептала она, и голос её сорвался. — Это правда. Ты был там.

— Я был везде, — голос Аэлиана звучал отстранённо, как будто он говорил о погоде. —

И это ничего не значит. Это просто пыль.

Но для неё это было не пылью. Она медленно обошла призрачную библиотеку, всматриваясь в полупрозрачные очертания полок, в завитки букв на свитках, которые не могла прочесть. Её лицо, бледное от болезни, сейчас светилось внутренним восторгом, от которого у Аэлиана свело живот. Эта боль, которую он взял в уплату — а он взял её, почувствовал, как тёмный узел под её рёбрами сжался, послав в её нервную систему новый укол, — она, казалось, только обострила её восприятие.

— А что там было за море? — спросила она, не отрывая глаз от видения. — Ты говорил, оно было цвета... какого?

— Лазурита, растёртого в порошок и смешанного с солнечным светом, — слова сорвались с его губ сами, не отфильтрованные разумом. Старое, забытое сравнение. — И воздух пах солью и... чем-то цветущим, что я уже не могу назвать.

Видение дрогнуло, начало расплываться. Энергия, выжатая из памяти, иссякала. Алина повернулась к нему, и он увидел в её глазах не просто любопытство, а голод. Голод человека, прикованного к четырём стенам, перед которым распахнули дверь в бесконечность.

— Ещё, — сказала она тихо, но с той же неумолимой силой. — Покажи мне что-нибудь ещё. Покажи море.

— Алина...

— Бери боль. Бери всё, что хочешь. Но дай мне увидеть это.

Он понимал, что это скользкая дорожка. Что каждый шаг привязывает её к нему прочнее, а его к ней — болезненнее. Но её просьба была эхом его собственной, вековой тоски по ощущениям. И он, проклятый вечностью, не мог отказать смертной в её агонии познания.

Он закрыл глаза. На этот раз поиск был мучительнее. Ему пришлось копаться в завалах, отбрасывая одно воспоминание за другим, пока он не наткнулся на то, что искал. Не просто образ, а ощущение: палуба под ногами, покачивание, крик чаек, ветер, несущий аромат далёкой земли. Это было личное. Слишком личное. В нём был отголосок того, кем он был — не наблюдателем, а живым существом, стоящим на носу судна и смотрящим в горизонт.

Сжал. Ощутил хруст уходящего прошлого. Боль Алины, острую и жгучую, вплелась в этот процесс, стала частью топлива. Он почувствовал, как она вздрогнула, услышал её сдавленный вдох. Но когда он выпустил энергию, в комнате стало нечем дышать.

Туман за окном будто расступился, растворился в сиянии. Воздух наполнился запахом моря — не современного, загаженного мазутом, а чистого, первозданного, с нотками водорослей и тропических цветов. Пол под ногами Алины словно стал упругим и подвижным. И перед ней, занимая всю стену, развернулось море. Не картина, а живая, дышащая стихия. Вода переливалась всеми оттенками синего и зелёного, от почти чёрной глубины у горизонта до изумрудной прозрачности у воображаемого берега. Небо над ним было огромным, бирюзовым, с редкими, размазанными облаками.

Алина замерла, её руки бессильно опустились по швам. По её щекам беззвучно потекли слёзы.

— Вот оно, — прошептал Аэлиан, стоя позади. Его голос был хриплым. Уничтожение этого воспоминания оставило в нём ощущение свежей раны. — Море Серебряных Странствий. Его больше нет. Острова затонули. Проливы высохли.

— Но оно было, — она повернула к нему мокрое от слёз лицо. — Ты видел его. Ты чувствовал этот ветер. И теперь... теперь и я тоже. Немного.

Она сделала шаг, словно желая войти в воду, и видение снова взволновалось, замерцало. Боль в её боку стала пульсирующей, навязчивой. Она пошатнулась. Аэлиан был рядом в мгновение ока, подхватив её под руки, прежде чем она упала. Контакт был электризующим. Через

тонкую ткань её халата он чувствовал жар её тела, хрупкость костей. Видение моря погасло, оставив после себя лишь обычную серость комнаты и стойкий, призрачный шлейф соли в воздухе.

— Довольно, — сказал он жёстко, усаживая её в кресло. — Сегодня довольно. Цена становится слишком высокой.

— Цена? — она слабо усмехнулась, обвивая руками живот. Лицо её покрыла испарина. — Для меня нет «слишком высокой». Всё, что не эта комната, не эта боль... оно стоит любой цены. Даже если я умру прямо сейчас, глядя на твоё призрачное море.

— Не говори так, — его пальцы невольно сжали её плечи. — Не смей так говорить.

Она посмотрела на него с нежностью и пониманием, от которого ему захотелось отвернуться.

— Ты боишься. Боишься, что я стану ещё одной твоей печальной историей. Ещё одним воспоминанием, которое придётся жечь.

Он не ответил. Он не мог. Потому что это была правда.

Он молча принёс ей обезболивающее, помог запить водой. Боль постепенно отступила до привычного, тлеющего уровня. Она сидела, укутавшись в платок, и смотрела в окно, но взгляд её был направлен внутрь, на только что увиденные чудеса.

— Знаешь, что самое ужасное? — сказала она вдруг, не глядя на него. — Не то, что я умру. А то, что я умру, так и не увидев настоящего моря. Настоящих гор. Настоящей... жизни. Вся моя жизнь — это предместья, больница, эта конура. И несколько встреч с тобой.

Аэлиан стоял у окна, спиной к ней, глядя на туман. В его груди что-то рвалось и кричало от бессилия. Он, который мог вызывать призраки цивилизаций, был бессилён дать ей простейшее — здоровье, время, будущее.

— Я могу показывать тебе миры, — сказал он, и голос его звучал чужим. — Каждый день. Пока... пока хватит сил. И пока хватит тебя.

Она повернула голову.

— А что ты получишь взамен? Кроме моей благодарности, которая ничего не стоит?

Он наконец обернулся. Свет из окна падал на его лицо, делая его ещё более бледным, почти прозрачным.

— Я получу то, что ты чувствуешь, когда видишь это. Отголосок. Твоё удивление, твой восторг... твою боль. Всё это — ощущения. Они... они наполняют пустоту. На время. Это как... напиться из лужи после столетий жажды.

Его признание висело в воздухе, неприкрытое, уязвимое. Алина долго смотрела на него, а потом медленно, преодолевая слабость, поднялась с кресла. Подошла к нему. Она была так близко, что он чувствовал её дыхание на своей груди.

— Тогда давай заключим сделку, — прошептала она, поднимая ладони к его лицу. — Ты будешь показывать мне свои миры. А я буду чувствовать за нас обоих. Я буду твоим... проводником в ощущениях. До самого конца.

И прежде чем он смог что-то ответить, она потянула его вниз, к себе, и поцеловала. Это был не страстный поцелуй вчерашней ночи. Это был медленный, глубокий, исследующий поцелуй. Поцелуй-печать. Поцелуй-договор. В нём была горечь лекарств, сладость её, и отчаянная, всепоглощающая нежность. Аэлиан обнял её, прижимая к себе, стараясь не думать о том, как мало в ней осталось жизни, как хрупок её каркас. Он думал только о её губах, о её языке, о том, как эта близость, эта сделка, этот момент выжигали в нём всё, кроме неё.

Когда они наконец разъединились, она, запыхавшись, прижалась лбом к его груди.

— С сегодняшнего дня, — сказала она, — ты не сжигаешь воспоминания. Ты их... бережёшь. Для меня. А я... я буду твоим огнём.

Он знал, что это невозможно. Знать, что она станет воспоминанием, которое он не сможет уничтожить — это было хуже любой пытки. Но он кивнул, прижав губы к её макушке, вдыхая её запах.

Глава 6

Свет просачивался сквозь неплотно задернутые шторы, рассекая полумрак комнаты пыльной золотой полосой. В ней танцевали мириады пылинок — таких же мимолетных, как дыхание девушки, прильнувшей к его боку. Аэлиан лежал неподвижно, слушая этот тихий, неровный ритм. Он не спал. Он не спал уже несколько часов, наблюдая, как темнота медленно отступает, уступая место серому, а затем и молочному свету утра.

Он помнил каждую секунду прошедшей ночи. Каждое прикосновение, каждый вздох, каждый всплеск тепла на её коже. Это было ново. Обычно воспоминания начинали тускнеть почти сразу, как старая фреска, выцветающая на солнце. Но это — нет. Оно лежало в нем цельным, тяжелым и живым, как раскаленный уголь в груди. Он чувствовал вес её головы на своем плече, тепло её бедра, прижатого к его ноге. Даже сейчас, когда она спала, её присутствие било в него волной — не ауры, а чего-то более простого и оттого более невыносимого. Человеческой близости.

Алина пошевелилась, и её дыхание споткнулось. Тихий, болезненный всхлип вырвался из её горла, прежде чем она полностью пришла в себя. Аэлиан почувствовал, как все её тело напряглось на мгновение, борясь с болью, которая, как он знал, ждала её каждое утро. Затем она расслабилась, осознав, где находится. И кто рядом.

Она не открыла глаза сразу. Её рука, лежавшая у него на груди, слегка сжала его кожу, как бы проверяя реальность. Пальцы были холодными.

«Ты ещё здесь», — прошептала она, голос хриплый от сна.

«Да», — ответил Аэлиан. Ему больше нечего было добавить. Он не мог сказать, что не мог заставить себя уйти. Что мысль о возвращении в свою пустую квартиру, к бутылкам вина и ритуалу стирания памяти, вызывала в нем тошнотворную пустоту.

Она открыла глаза. Зеленые, с золотистыми вкраплениями, затуманенные остатками сна и, возможно, лекарствами. Они уставились на него без стыда, с тем же яростным любопытством, что и вчера.

«Я думала, ты исчезнешь. Как сон», — сказала она, медленно приподнимаясь на локте. Простыня сползла, обнажив её плечо, ключицу, часть груди. Кожа была бледной, почти прозрачной, с сеткой голубоватых вен. И все же в линиях её тела была такая уверенность, такое неприятие собственной хрупкости, что у Аэлиана перехватило дыхание.

«Я не сон», — сказал он, и это прозвучало глупо даже в его собственных ушах.

«Я знаю». Она коснулась его щеки, повторив жест прошлого вечера. «Ты слишком... плотный. Слишком настоящий. Как камень, обтесанный ветрами». Её губы тронула улыбка. «Мне нравится это. Обычно все вокруг кажется такими невесомыми. Как будто я уже сквозь них прохожу».

Он поймал её руку, прижал ладонь к своим губам. Кожа пахла сном, акварельными красками и чем-то горьковатым, лекарственным. Он вдохнул этот запах, пытаясь запечатлеть его где-то глубже, чем позволяла обычная память. Это было инстинктивно. И бесполезно.

«Как боль?» — спросил он, отпуская её руку.

Алина пожалала плечами, отводя взгляд к полосе света на полу. «Присутствует. Но пока терпимо. Утро — не самое плохое время. Пока тело не вспомнит, что оно — тело, а не просто дух». Она повернулась к нему, и её выражение стало озорным, почти дерзким. «Ты помогаешь отвлечься. Лучше любой таблетки».

«Я не хочу быть отвлечением», — вырвалось у него прежде, чем он обдумал слова. Он сказал это резко, с неожиданной для самого себя горечью.

Она помолчала, изучая его лицо. «А кем ты хочешь быть, Аэлиан?»

Он не знал ответа. Тысячелетиями он был ничем. Наблюдателем. Коллекционером пыли. Палачом собственных воспоминаний. Он искал покой в небытии, а нашел... это. Острую, режущую заботу о чужой боли. Невыносимую нежность к хрупкому, обреченному телу.

«Не знаю», — признался он тихо.

«И я не знаю, кем хочу быть до конца», — сказала она так же просто. «Но сегодня утром я хочу быть женщиной, которая завтракает с красивым, грустным мужчиной. Поможешь?»

Он помог ей встать. Его руки обхватили её ребра, и он ощутил, насколько они хрупки, будто птичьи косточки. Она оперлась на него, и они медленно прошли в крошечную кухню. Солнце уже заливало её теплым светом, играя на медных ручках чайника, на краях незаконченных эскизов, разбросанных на столе. Хаос жизни, остановленный на полпути.

Алина принялась готовить кофе, движения медленные, но точные. Аэлиан наблюдал, как её пальцы взвешивают молотые зерна, как льется вода. Это был ритуал. Каждое движение было наполнено значением, потому что их было ограниченное количество. Он внезапно понял, что наблюдает за священнодействием.

«Расскажи мне что-нибудь», — попросила она, поставив две чашки на стол. «Что-нибудь из того, что помнишь. Не важно что. Просто... что-нибудь настоящее».

Он сел напротив нее, обхватив теплую фарфоровую чашку. Пар щекотал его лицо.

«Я помню, как однажды пил вино на террасе дома, который стоял на скале над морем», — начал он, не глядя на нее. Голос звучал глухо, будто из глубокого колодца. «Дом был построен из белого камня, и вечерний ветер приносил запах сосен и соли. Вино было темным, как сама ночь, и сладким, как забвение. А человек, который сидел со мной, смеялся. Его смех был похож на звук разбивающихся о берег волн. Грубый и чистый».

Он замолчал, потягивая кофе. Вкус был горьким и земным. Совсем не таким, как то вино.

«Что случилось с тем домом? С тем человеком?» — спросила Алина, пристально глядя на него.

«Дом рассыпался в пыль. Человек умер. От старости, в своей постели, окруженный детьми и внуками». Аэлиан поднял на нее глаза. «А я стер память о том вечере. Сжег её, чтобы ощутить эхо того вина на языке ещё раз. Чтобы на мгновение снова почувствовать тот ветер».

Она не выглядела шокированной. Лишь печальной. «Зачем? Зачем уничтожать такое?»

«Потому что его больше нет. А память — это только тень. Она болит. А я... я устал от боли».

«Но без теней нет и света», — тихо сказала она. Её рука потянулась через стол, и она накрыла своей ладонью его кулак. «Эта ночь... она будет моей тенью. И моим светом. Я буду носить её с собой, пока хватит сил. А потом... потом она, наверное, станет частью того света, в который я отправлюсь». Она улыбнулась, и в её глазах стояли слезы, но она не позволила им упасть. «Я не отдам её ни за что. Даже за вечность без боли».

Аэлиан почувствовал, как что-то сжимается у него в груди. Глупая, бесполезная ярость. На кого? На болезнь? На смерть? На самого себя, за то, что он променял тысячи таких моментов на пустоту?

Он перевернул руку и сцепил пальцы с её пальцами. Её хватка была слабой, но цепкой.

«Я не хочу стирать эту ночь», — сказал он, и это была правда, от которой ему стало страшно.

«Значит, не стирай», — просто ответила она. Её большой палец провел по его костяшкам, легкое, успокаивающее движение. «Просто будь здесь. Прямо сейчас. С этим кофе. Со мной».

Он кивнул, не в силах вымолвить больше ни слова. Они сидели так несколько минут, в тишине, нарушаемой только гулким тиканьем старых часов на полке и далеким гулом города за окном. Аэлиан пил кофе, и каждый глоток был словно клятвой верности этому мгновению. Он изучал её лицо при дневном свете. Тонкие морщинки у глаз, которые появлялись, когда она улыбалась. Легкую синеву под нижними веками — следы усталости, которую не брало ни одно

лекарство. И эту ясность во взгляде, которая, казалось, видела его насквозь, до самой древней, покрытой шрамами сердцевины.

«Покажи мне свои рисунки», — попросил он вдруг, кивнув в сторону разбросанных листов.

Алина слегка покраснела, что было удивительно и бесконечно трогательно. «Они... незаконченные. Эскизы. Беспорядок».

«Мне все равно».

Она медленно высвободила свою руку и потянулась к папке, лежавшей на краю стола. Её движения были осторожными, будто она боялась спугнуть что-то. Она вынула несколько листов и положила перед ним.

Аэлиан замер. Он ожидал натюрмортов, может быть, пейзажей за окном. Но это было нечто иное. На бумаге, в смеси угля и акварели, жил мир, сотканный из боли и невероятной нежности. Искаженные, почти сюрреалистичные фигуры, переплетенные, как корни деревьев. Вспышки яркого, ядовитого цвета, прорывающиеся сквозь хаос линий. Это не были изображения болезни в прямом смысле. Это было что-то более глубокое — внутренний ландшафт, где боль и экстаз сплетались в один неразрывный узел. На одном листе тело, похожее на её собственное, было пронзено не шипами, а стеблями цветущих растений, и из ран сочился не кровь, а свет. На другом — две фигуры сливались воедино, но их контуры растворялись, превращаясь в стаю птиц, улетающих в клубящееся небо.

«Это я», — тихо сказала Алина, следя за его взглядом. «Вот так я это чувствую. Иногда. Когда получается поймать ощущение до того, как его съест боль или морфий».

Аэлиан молчал. Он смотрел на эти листы, и ему казалось, что он впервые видит её. Не тело, не историю болезни, не мимолетное увлечение смертной женщины. Он видел душу, отлитую в линиях угля и размывах акварели. Бесстрашную, яростную, прекрасную в своем непокорном страдании. Что-то в нем, древнее и окаменелое, дало трещину.

«Это гениально», — выдохнул он наконец, и голос его был чужим, сорванным. Он поднял на нее глаза. «Ты гениальна».

Она снова покраснела, но на этот раз её улыбка была грустной. «Нет. Я просто честная. Когда больше нечего терять, честность — единственное, что остается. И она становится... яркой».

Он отложил листы и встал. Стул заскрипел по полу. Он обошел стол и остановился перед ней. Солнце, падавшее через окно, освещало её лицо и тонкую шею, золотя пушок на коже. Он опустился на колени, чтобы быть с ней на одном уровне. Её глаза расширились от удивления.

«Аэлиан...»

Он взял её лицо в ладони. Такое хрупкое, такое живое. «Ты самая настоящая вещь, которую я встречал за всю свою бесконечную, никчемную жизнь», — прошептал он. Каждое слово обжигало горло. «И я хочу помнить тебя. Каждый штрих. Каждый вздох. Даже боль. Особенно боль».

В её глазах блеснули слезы. «Это опасно», — сказала она так же тихо. «Для тебя. Потом будет невыносимо».

«Пусть», — ответил он, и его губы нашли её губы.

Этот поцелуй был иным, не таким, как вчера. Не было спешки, пьянящего открытия. Была медленная, почти мучительная нежность. Он исследовал форму её рта, вкус слез и кофе, ощущал, как дрожит её нижняя губа. Его руки скользнули с её щек на шею, в волосы, притягивая её ближе, как будто пытаясь вобрать в себя самую её суть. Она ответила ему с такой же жадной отдачей, её пальцы впились в его плечи, цепляясь за твердость его мускулов, как за якорь.

Когда они наконец разъединились, чтобы перевести дыхание, её щеки были влажными.

«Я не хочу твоей жалости», — прошептала она, прижав лоб к его.

«Это не жалость», — сказал он, и это была правда. Это было что-то гораздо более страшное. Признание. Поклонение перед тем, что обречено умереть. «Это благодарность».

Он поцеловал её снова, и на этот раз в поцелуе прорвалась вся та ярость, что копилась в нем — ярость на время, на болезнь, на его собственную вечную, бесплодную жизнь. Она вскрикнула от неожиданности, но не отстранилась. Наоборот, она ответила ему тем же, её ногти впились ему в спину даже сквозь ткань рубашки. Она откинула голову, обнажив горло, и он приник губами к пульсирующей точке под челюстью, чувствуя, как бешено стучит её сердце. Её дыхание стало прерывистым, хриплым.

«Здесь...» — пробормотала она. «Пожалуйста, не носи меня на кровать. Я хочу здесь. Пока у меня ещё есть силы... чтобы чувствовать все».

Его внутренности сжались от желания и острой, режущей нежности. Он поднял её на ноги, прижимая к себе всем телом, ощущая каждую косточку, каждую впадину её тела через тонкую ткань ночнушки. Потом он повернул её и мягко прижал к краю стола. Чашки звякнули, карандаши посыпались на пол. Её эскизы лежали рядом, их сюрреалистичные образы словно наблюдали за ними.

Он откинул ткань с её плеча, обнажив грудь. На свету кожа казалась фарфоровой, сосок — нежно-розовым, уже напряженным от ожидания. Он склонился и взял его в рот, лаская языком, чувствуя, как все её тело вздрагивает в его объятиях. Она вскрикнула, коротко и резко, и её пальцы спутались в его волосах.

«Аэлиан...» — его имя на её устах было молитвой и проклятием одновременно.

Он медленно провел рукой под подолом её ночнушки, вдоль тонкого бедра, к влажному теплу между ног. Она была уже готова для него, горячая и трепещущая. Он ввел один палец, потом второй, и её тело сомкнулось вокруг них с такой силой, что у него потемнело в глазах. Она застонала, упираясь лбом в его плечо, её бедра начали двигаться в такт его ладоням.

«Я хочу видеть твое лицо», — хрипло сказал он, вынимая пальцы. Он повернул её к себе и вновь поцеловал, делясь с ней вкусом её же желания. Потом, не отпуская её взгляда, он расстегнул свои брюки. Его возбуждение было болезненным, тяжелым, пульсирующим. Он приподнял её, усадив на край стола, раздвинул её колени и медленно, с бесконечным усилием воли, вошел в нее.

Она ахнула, её глаза закатились, и она откинулась назад, опершись на локти. Её спина выгнулась, и в полосе солнечного света он увидел, как напряглись мышцы её живота, как вздымается грудь. Он вошел до конца, чувствуя, как её внутренности обжигающе плотно обхватывают его. Это было не просто соединение тел. Это было погружение в саму жизнь.

Глава 7

Он лежал на спине, чувствуя, как её дыхание смешивается с его, влажное и прерывистое. Запах кофе, её кожи, соли с её волос — всё это сплелось в один густой, живой шар, который он не хотел выпускать из себя. Алина лежала, прижавшись щекой к его груди, её рука покоилась на его животе, пальцы слегка шевелились, будто рисуя невидимые узоры. Стол под ними был тверд, но это не имело значения. Имело значение только это: тепло между их телами, тишина, нарушаемая лишь далеким криком чаек и стуком её сердца — частым, птичьим, хрупким.

Он не стирал это. Он впитывал. Каждую деталь: холодный край столешницы у его бедра, пылинки, танцующие в луче утреннего солнца, просочившегося сквозь занавеску, слабый горьковатый привкус её пота на его губах. Это было новое ощущение — не наблюдать за моментом со стороны, ожидая, когда можно будет обратить его в пепел, а тонуть в нём. И это пугало. Пугало сильнее, чем любая тысячелетняя битва.

– Ты думаешь так громко, — прошептала она, не открывая глаз. — У тебя в голове шумно.

– Это эхо, — ответил он, и его голос прозвучал хрипло. — От тишины.

Она приподнялась на локте, взгляд её был мутным от усталости, но невероятно сосредоточенным. Медными прядями волос она касалась его кожи, вызывая мурашки.

– Какая тишина?

– Та, что была до тебя.

Алина нахмурилась, потом её лицо смягчилось пониманием. Она опустила голову, прижалась губами к его груди, прямо над сердцем — к месту, где билось что-то, что он давно перестал считать за орган.

– Она тебе не нравилась?

– Я её не замечал. Она была фоном. Как шум моря для тех, кто живёт на берегу.

– А теперь?

– А теперь я слышу каждую волну, — сказал он, и его руки сами обняли её, притянули выше, к себе. Она была такой лёгкой, будто кости у неё были полыми, как у птицы. — И тишину между ними. И это невыносимо громко.

Она рассмеялась, тихим, сипловатым смехом, и поцеловала его. Это был не страстный, а исследующий поцелуй, будто она проверяла вкус его слов на его же губах.

– Значит, я тебя оглушила.

– Да.

– Жаль, — она притворилась серьёзной, но уголки её губ дрожали. — А я думала, ты бессмертный и всемогущий.

– Я был. Пока не встретил тебя.

Они молчали. Солнечный луч пополз по столу, коснулся её позвоночника, вырисовывая каждый позвонок под тонкой кожей. Аэлиан провёл пальцем вдоль этой линии, от шеи до поясницы. Он чувствовал подушечками пальцев жизнь, кипящую в ней, яростную и утекающую, как песок. Ему захотелось остановить это. Захотелось так сильно, что в груди что-то ёкнуло — старый, забытый инстинкт, желание использовать силу не для разрушения, а для сохранения.

Но он знал цену. Чтобы что-то сохранить для неё, ему пришлось бы сжечь что-то в себе. Раньше это было бы легко. Теперь — каждая память, даже самая болезненная, казалась драгоценной, потому что делала его тем, кто мог чувствовать это с ней. Парадокс.

– Выйдем, — внезапно сказала Алина, отрываясь от него. Она села, скрестив ноги на столе, совершенно не стесняясь своей наготы. Сила её духа в этом хрупком теле по-прежнему поражала его. — На улицу. На набережную. Я хочу гулять. Пока могу.

«Пока могу». Эти слова повисли в воздухе, острые, как лезвие. Он кивнул, не доверяя голосу.

Они оделись молча. Он наблюдал, как она движется — медленнее, чем вчера, с едва заметной скованностью в правом боку. Она ловила его взгляд и улыбалась, будто говоря: «Да, сегодня хуже. И что?» Он помог ей надеть лёгкое платье цвета выцветшей лаванды, застегнул крошечные пуговицы на спине. Его пальцы, привыкшие складывать сложнейшие магические жесты, дрожали.

Город встретил их полуденным зноем и запахом жареной рыбы. Набережная была почти пуста — будний день, сезон ещё не начался. Они шли медленно, её рука лежала на его согнутой руке. Она говорила. Говорила обо всём: о том, как в детстве боялась этих чаек, считая их духами утонувших моряков; о старом художнике, который когда-то учил её видеть не цвет, а свет; о том, как вкус мороженого с солёной карамелью напоминает ей о первом поцелуе — неловком, липком, прекрасном.

Аэлиан слушал. Он не просто слышал слова — он видел их. Слабые, почти невидимые вспышки в воздухе, цветные шлейфы, тянущиеся за её жёстами. Остаточная магия, реагирующая на чистую эмоциональную энергию. Она была живым источником, родником в его пустыне. И он пил, жадно, забыв обо всём.

— А ты? — спросила она вдруг, останавливаясь у перил, смотря на море. Ветер трепал её волосы. — О чём ты помнишь? Не то, что ты стёр... а то, что осталось. Самое первое.

Он закрыл глаза. В памяти, очищенной от многовекового хлама, всплыл образ. Чистый, как первый удар сердца.

— Сад, — прошептал он. — Не сад даже... дикий лес, но упорядоченный. Деревья с серебряной корой. Плоды на них светились изнутри, как фонарики. И запах... запах влажной земли после дождя и чего-то сладкого, пряного. Это был мир до людей. Я был... моложе. Не по телу. По духу. Я помню чувство удивления. От каждой травинки.

Он открыл глаза. Алина смотрела на него так, будто он только что прочёл ей величайшую поэму. В её глазах стояли слёзы.

— Это красиво, — сказала она тихо. — Почему ты хотел это забыть?

— Потому что всё, что было после, уже не могло сравниться. Это стало мерой. А всё, что не дотягивало до этой меры, причиняло боль.

— Глупец, — она потянулась и коснулась его щеки. — Это не мерка. Это фундамент. Ты должен был строить на нём, а не хоронить его.

Он взял её руку, прижал ладонь к своим губам. В её коже пахло красками, морем и чем-то неуловимо лекарственным.

— Я не знал как.

— А теперь?

— Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Они дошли до конца мола, до старого маяка, давно не работающего. Алина устала. Он видел, как тень под её глазами углубилась, как губы побледнели. Она прислонилась к теплой каменной кладке маяка, закрыв глаза.

— Всё, — выдохнула она. — Батарейка села.

— Отдохни.

— Не хочу отдыхать. Хочу... хочу увидеть тот сад.

Он замер. — Это невозможно.

— Для тебя? — она открыла глаза, и в них горел тот самый яростный свет, который пронзил его в день встречи. — Ты же маг. Остаточный, да, но маг. Ты можешь оживить цветок. Можешь изменить вкус вина. Можешь ли ты... показать мне? Хоть на мгновение. Не реальность, а её отголосок. Как вчера ты почувствовал эхо через меня. Дай мне почувствовать эхо того сада через тебя.

Это была просьба. И вызов. Он смотрел на неё, на её лицо, искажённое не болью, а жаждой. Ненасытной жаждой жизни. Она просила не об иллюзии для развлечения. Она просила о глотке воды для умирающего в пустыне. О памяти, которой у неё никогда не будет.

И он понял, что отдаст. Отдаст всё, что попросит.

— Это будет стоить мне воспоминания, — предупредил он тихо. — Того самого, о котором я тебе рассказал. Я сожгу его, чтобы дать тебе его почувствовать.

Алина покачала головой. — Нет. Не отдавай его. Дай мне... дай мне что-то другое. Что-то, что тебе не жалко. Больное воспоминание. Тот, что гложет.

У него не было таких. Все гложащие он стёр до основания, оставив после себя лишь плоские, безжизненные факты. Но она смотрела на него с таким ожиданием, что он почувствовал — нужно найти что-то. Что-то, что всё ещё имеет вес и жалит, но не является ядром его боли. Он закрыл глаза, копаясь в архивах своей памяти.

— Есть одно, — сказал он наконец, голос низкий. — Не моё. Я... стёр его у другого. Древнего мага, почти такого же старого, как я. Он просил меня об этом. Воспоминание о предательстве. О том, как его ученица, которую он любил как дочь, продала его секрет врагам ради власти. Он не мог с этим жить. Он хотел забыть боль, но оставить знание об уроке. Я выполнил просьбу. Я взял эту память, эту горечь, этот вкус пепла на языке... и сохранил её у себя. Как предостережение. Оно ничего не значит для меня лично, но оно... заряжено.

Алина медленно кивнула. — И ты можешь отдать его мне? Вместо сада?

— Могу попробовать. Но это будет не красота, Алина. Это будет боль, горечь, холод.

— Всё, что чувствовал живой человек, — она улыбнулась слабой, но решительной улыбкой. — Это тоже драгоценно. Давай.

Он вздохнул. Это было безумием. Передавать такое воспоминание смертной, чья нервная система и без того истощена болезнью. Но он видел её решимость. И он уже не мог ей отказывать.

— Закрой глаза, — прошептал он. — И не сопротивляйся.

Он положил ладони ей на виски. Кожа её была прохладной, почти прозрачной. Он сам закрыл глаза, отыскивая в глубинах сознания тот чужой, законсервированный клубок эмоций. Нашёл. Он был тёмным, колючим, пахнущим железом и опавшими листьями. Аэлиан осторожно, как хирург, извлёк его из хранилища, обнажил его суть, и мягко, бесконечно мягко, направил в её сознание.

Он чувствовал, как её тело напряглось под его руками. Как дыхание перехватило. Её пальцы вцепились в его запястья, ногти впились в кожу. По её щеке скатилась слеза — не от грусти, а от чистой, неразбавленной эмоциональной атаки. Она видела: высокие своды каменной башни, молодую женщину с холодными глазами, протягивающую свиток с печатями врагов. Чувствовала ледяной удар в грудь, вкус крови на губах от прикушенной щеки, всепоглощающее чувство пустоты, будто всё внутренности вынули за один миг. Это длилось мгновение — он тут же отсек поток, оставив лишь эхо, отзвук.

Алина открыла глаза. Они были огромными, влажными, полными потрясения. Она дышала ртом, часто-часто.

— Боже, — выдохнула она. — Это... это ужасно. Это так одиноко.

— Да, — сказал он, стирая с её щеки слезу большим пальцем. — Теперь ты понимаешь? Я не хотел давать тебе это.

— Нет, — она качнула головой, цепляясь за него. — Ты не понял. Это... это подтверждение. Что он любил. Так сильно, что предательство смогло так ранить. И что она... она что-то хотела так сильно, что пошла на это. Это ужасно, но это... живое. Настоящее. Спасибо.

Он прижал её к себе, чувствуя, как она дрожит. Его собственная грусть была странной, смешанной с облегчением. Он отдал чужой яд, и она превратила его в некую горькую мудрость. Она перерабатывала боль в нечто иное. Это был её дар.

— Теперь ты должен показать мне сад, — прошептала она ему в грудь. — В награду за мою храбрость.

Он засмеялся — коротко, хрипло. — Ты неугомонная.

— Я смертная, — ответила она, глядя на него снизу вверх. — У меня мало времени, чтобы быть скромной.

И он сдался. Он знал, что не сможет передать сад напрямую, не уничтожив память. Но он мог создать отражение. Эхо эха. Используя энергию того самого болезненного воспоминания, которое он только что отдал — его эмоциональный заряд, теперь смягчённый и преобразованный её восприятием.

— Дай мне руку, — сказал он.

Она протянула ладонь. Он обхватил её своими, закрыл глаза и начал творить. Не стирая, а... переплавляя. Он взял холодный пепел предательства и пропустил его через призму той первой, невинной радости. Это было похоже на алхимию чувств. Он сосредоточился на серебряной коре, на свете внутри плодов, на запахе дождя. И медленно, очень медленно, начал проецировать это не в её разум, а в пространство вокруг них.

Воздух затрепетал. Свет изменился — резкий солнечный полдень смягчился, стал рассеянным, серебристым, будто светил не один, а два солнца. Каменная кладка маяка позади них как будто задрожала, её очертания поплыли, и на секунду сквозь неё проступили контуры тех самых древних, плавных деревьев. Запах моря и рыбы уступил место влажному, земляному, сладко-пряному аромату, от которого кружилась голова. Послышался шелест — не листьев, а чего-то более тонкого, похожего на перезвон хрустальных нитей.

Алина замерла, её глаза были широко раскрыты. Она повернула голову, пытаясь поймать ускользающие образы. Это была не полноценная иллюзия — лишь мимолётное наложение одного мира на другой, дрожащая миражами завеса. Но это было невероятно красиво.

— Ох, — только и смогла выговорить она. Её пальцы сжали его руку.

Он удерживал видение несколько секунд, чувствуя, как сила утекает из него. Это не было истощением магии — это была усталость души. От такой щедрости. От такой уязвимости. Но видение её лица, её благоговейного, жадно-счастливого выражения стоило любой цены.

Завеса дрогнула и рассыпалась, как дым на ветру. Реальность вернулась — жёсткая, солёная, каменистая. Алина долго молчала, потом медленно опустилась на песок у подножия маяка, потянув его за собой.

— Спасибо, — сказала она просто. И этого было достаточно.

Они сидели, прижавшись друг к другу, наблюдая, как море медленно подбирается к ним по песку. Её голова лежала у него на плече.

— Я хочу кофе, — заявила она вдруг. — С корицей. И чтобы он был очень горячим.

Он улыбнулся. — Приказ?

— Безусловно.

Он помог ей подняться. По дороге к ближайшей кафешке у воды она шагала чуть бодрее, будто подпитанная увиденным. Они сели за столик под потрёпанным тентом. Он заказал два кофе. Когда чашки принесли, она обхватила свою ладонями, вдыхая пар.

— Знаешь, что я поняла? — сказала она, не глядя на него. — Ты не боишься отдавать воспоминания. Ты боишься... что нечего будет отдавать. Что ты опустошишь себя, и тогда тебе нечем будет со мной делиться. И я останусь одна, даже если буду рядом с тобой.

Он остолбенел. Она попала прямо в яблочко, в самую глубь его невысказанного страха. Он молчал.

— Так вот, — она наконец подняла на него глаза. — Не опустошай. Строй. Из того, что есть. Из того, что будет. Каждое новое воспоминание со мной — это ещё один кирпич. Пусть даже это просто память о том, как мы сейчас пьём этот дурацкий, пережжённый кофе. Он наш. И он уже никуда не денется.

Он взял её руку поверх стола, привлёк к своим губам. Поцеловал суставы пальцев, каждый по отдельности.

– Я буду строить, — пообещал он. И впервые за тысячелетия это прозвучало не как угроза или обречённый обет, а как план. Как начало.

Она улыбнулась, и в этой улыбке была вся её победоносная хрупкость. Потом она скривилась, потянулась рукой к боку, под платьем. Лицо её на мгновение исказилось гримасой боли — быстрой, острой, как укол. Она справилась, выдохнула, но он уже видел. Видел, как болезнь, тихая и неумолимая, напомнила о себе.

– Пора домой, — тихо сказал он.

Она хотела возражать, но кивнула. Силы внезапно оставили её.

Глава 8

Возвращение было тихим. Аэлиан нес её на руках по лестнице, чувствуя, как каждое её дыхание стало чуть тяжелее, чуть короче. Она не протестовала, прижавшись щекой к его груди, и это молчаливое доверие было для него страшнее и прекраснее любого заклинания. В квартире пахло старой древесиной, масляными красками и её духами — сладковато-горький аромат, который теперь навсегда врезался в его сознание. Он уложил её на диван, снял туфли, нашёл плед.

— Я не хочу спать, — прошептала она, глядя на него снизу вверх. Её глаза были огромными, с затемненными снизу кругами, но в них горел тот самый яростный свет. — Я хочу помнить, как ты за мной ухаживаешь. Это тоже часть нового воспоминания.

Он сел на край, провел пальцами по её виску. Кожа была тонкой, почти прозрачной, под ней пульсировала жизнь, такая хрупкая, что он боялся дышать.

— Ты пережила сегодня чужую боль. Зачем?

— Чтобы понять твою. Чтобы знать, что ты носил в себе. — Она поймала его руку, прижала ладонь к своей щеке. — Это было ужасно. Предательство. И ты хранил это веками. Как рану.

— Раны затягиваются. Воспоминания — нет. Если их не сжечь.

— Но ты не сжег его. Значит, в нем была и ценность. Урок. Осторожность. — Она слабо улыбнулась. — Я сегодня получила и боль, и сад. Прекрасный дисбаланс.

Он наклонился и поцеловал её в лоб, потом в веки, чувствуя, как вздрагивают её ресницы. Поцелуй был клятвой, которую он не мог произнести вслух: *Я буду помнить. Все.*

Позже он разогрел суп, налил ей чаю. Они ели молча, но тишина была иной — не пустотой, а наполненным пространством, где каждый звук — скрежет ложки, глоток, её вздох — обретал вес. Она наблюдала за ним, как будто старалась запечатлеть каждый жест: как он держит чашку, как морщит лоб, думая о чем-то, как его пальцы, тысячелетиями творившие невозможное, теперь аккуратно вытирали каплю бульона со стола.

— Что будешь делать со мной завтра? — спросила она вдруг.

Сердце его сжалось. «Завтра» было словом из её лексикона, полным планов и надежд. Из его вечности «завтра» были одинаковы и бесконечны.

— Что захочешь ты, — ответил он, избегая ловушки.

— Я хочу нарисовать тебя.

— У тебя есть эскизы.

— Не те. Я хочу нарисовать тебя настоящего. Не внешность. То, что я вижу внутри. Тот сад, который ты прячешь. Тень, которая стала светом. — Голос её дрогнул от усталости, но не от неуверенности. — Это займет время. Может, несколько дней.

Он понял. Она не просто планировала завтра. Она планировала свои оставшиеся дни, и в каждый из них вписывала его. Это было одновременно благословением и пыткой.

— Тогда тебе нужно силы беречь, — сказал он, вставая, чтобы убрать посуду.

— Аэлиан.

Он обернулся. Она стояла, опираясь о спинку стула, плед спал с её плеч на пол. Платье, простое синее хлопковое, висело на ней чуть свободнее, чем неделю назад.

— Силы мне не сберечь. Их можно только потратить. И я знаю, на что. — Она сделала шаг к нему, потом ещё один. Боль скривила её губы, но она её преодолела, выпрямилась. — Потрать и ты свои. Не воспоминания. Себя. Прямо сейчас.

Он замер. Это был вызов. Призыв не к магии, питаемой прошлым, а к простому, животному, смертному присутствию. К тому, чтобы быть здесь, в этом теле, с ней, без защитных слоев веков.

Он закрыл расстояние между ними, не используя ни тени своего искусства, просто шагнул. Взял её лицо в ладони.

— Это больно будет, — предупредил он, глядя в её глаза.

— Знаю. — Её дыхание стало горячим на его губах. — И ты будешь помнить эту боль. Мою. И свою. Это и есть цена.

Первый поцелуй был нежным, исследовательским. Он чувствовал дрожь в её губах, сухость, вызванную лекарствами. Потом она открыла рот, и вкус её — чай, мед, что-то металлическое, лекарственное — хлынул в него, и он принял его, как принял бы яд, если бы он шел от нее. Его руки скользнули вниз, обхватили её хрупкие ребра, ощутили под ними бешеный, неровный стук сердца. Она вскрикнула тихо, не от боли, а от интенсивности, впила пальцами в его волосы, притягивая ближе.

Он поднял её, и она обвила его ногами, легкая, как осенний лист. Он понес её не в спальню, а в мастерскую, к большому старому креслу у окна. Посадил её к себе на колени, лицом к себе. Уличный фонарь бросал косые желтые полосы через комнату, освещая парящие в воздухе частицы пыли, как магическую пыльцу.

— Смотри на меня, — попросила она, снимая с себя платье медленным, трудным движением. Он помог, раздвинув ткань, как лепестки. Её тело было прекрасным и разбитым. Резкие линии ключиц, тени под грудью, шрам от операции, тонкий, розовый, на боку. Он прикоснулся к нему губами, и она вздрогнула.

— Не жалея, — прошептала она. — Люби. Это все, что у меня есть. И это твое.

Он любил. Каждую кость, каждый изгиб, каждую отметину. Его ладони скользили по её бедрам, впадине живота, поднимались к груди, тяжелой и чувствительной. Он брал её сосок в рот, ласкал языком, слушая, как её дыхание срывается в прерывистый стон. Её пальцы разрывали на нем рубашку, кнопки отлетели с тихим щелчком. Она прижималась к его обнаженной груди, кожей к коже, и они оба замерли на мгновение, просто чувствуя этот контакт — тепло, пульсацию, мурашки.

— Аэлиан, — простонала она, двигая бедрами, нащупывая его через ткань брюк. — Пожалуйста.

Его собственная потребность, грубая и давно забытая, рванула в нем, как пробудившийся вулкан. Он освободил себя, помог ей приподняться, навестить. Мгновение напряжения, взгляд, полный слез и обещания, и затем она опустилась на него, медленно, принимая каждую миллиметру, с тихим, сдавленным криком, который был смесью боли и невероятного облегчения.

Он замер, позволив ей привыкнуть, чувствуя, как она пульсирует вокруг него, горячая, тугая, живая. Её лоб упал ему на плечо. Он обнял её, одной рукой поддерживая спину, другой вцепившись в подлокотник кресла, чтобы не потерять контроль.

— Двигайся, — выдохнула она ему в шею. — Я хочу чувствовать все. Хочу, чтобы ты чувствовал меня. Чтобы это осталось в тебе. Навсегда.

Он начал. Медленно, глубоко, вымеряя каждый толчок, каждый отход. Это не было безумной страстью прошлых разов. Это был ритуал. Танец памяти. Каждое движение было словно кистью, наносящей мазок на холст вечности, который был им обоим. Она отвечала, подстраиваясь под его ритм, цепляясь за него, издавая звуки — то стоны, то сдавленный смешок, когда он находил особенно чувствительное место.

Он смотрел на её лицо, освещенное мерцающим светом с улицы. Глаза закрыты, губы приоткрыты, брови слегка сведены от концентрации. Она была здесь, полностью, отдаваясь ощущению, боли, удовольствию, ему. И он был здесь, как никогда раньше. Не маг, наблюдающий за смертным. Не бессмертный, ищущий забвения. Просто мужчина, любящий женщину на пороге её конца.

Напряжение нарастало, волна за волной. Он чувствовал, как её тело начинает сжиматься сильнее, как её ногти впиваются ему в плечи. Её стон стал выше, отчаяннее.

— Со мной, — приказал он хрипло. — Смотри на меня.

Она открыла глаза, стеклянные, полные слез и неземного света. Их взгляды скрепились. И в этот момент, когда он почувствовал, как она обрывается, конвульсивно сжимаясь вокруг него, с тихим криком, в котором было все — и боль, и триумф, и прощание — он позволил себе отпустить. Его собственное извержение было глухим, долгим, вырывающим из него весь воздух, все прошлое, оставляя только настоящее — её тепло, её судорогу, её ускользающую жизнь.

Он оставался внутри нее, не двигаясь, пока последние спазмы не утихли, превратившись в мелкую дрожь. Их дыхание смешалось в тяжелый, влажный ритм. Её слезы текли по его шее, горячие и соленые. Он не спрашивал, отчего они — от боли, от наслаждения, от невыносимой ясности этого соединения. Он просто держал её, одной рукой глядя по спине, чувствуя под ладонью выступающие позвонки.

Она первая нарушила тишину, голос хриплый, разбитый.

— Теперь ты это помнишь?

— Каждую деталь. Каждый звук. Каждую дрожь.

— Хорошо.

Она откинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Её глаза блестели в полумраке.

— Я тоже. Это мое. Мое последнее большое приобретение.

Слова повисли в воздухе, острые и неумолимые. Он почувствовал, как что-то в нем сжимается в холодный ком. *Последнее*. Он ненавидел это слово. Ненавидел ту окончательность, которую оно несло. Но он лишь притянул её ближе, целуя влажные ресницы.

— Не говори так.

— Почему? Это правда. И я не боюсь её. Особенно сейчас. — Она слабо провела пальцем по его груди, над сердцем. — Ты почувствовал? Когда это случилось... я видела свет. Не метафору. Настоящий, теплый свет. Как будто все внутри на мгновение вспыхнуло. И стало тихо. Совершенно тихо.

Он закрыл глаза, прижавшись лбом к её лбу. Её слова были и исповедью, и предупреждением. Этот всплеск жизни, пик наслаждения, был для нее также напоминанием о том, как все может внезапно угаснуть. Его бессмертие вдруг показалось ему не даром, а грубым оскорблением по отношению к этой хрупкой, горящей ярко и коротко свече.

— Я унесу тебя, — прошептал он, не осознавая, что говорит, пока слова не сорвались с губ. — В места, где время течет иначе. Где есть источники, способные...

— Нет. — Она положила палец ему на губы. — Не надо. Не порти это. Ты же знаешь, что не в этом дело. Мое время — мое. Ты дал мне не больше минут. Ты дал мне... плотность. Наполненность. Вот что важно.

Он замолчал, побежденный её спокойной решимостью. Она была сильнее его. Сильнее всех его веков и всей его магии. Потому что она принимала конец, не сгибаясь.

Постепенно их тела начали замечать неудобство позы, холодок ночного воздуха. Он аккуратно поднял её с себя, сжавшись внутри от чувства пустоты и потери, которое последовало за разъединением. Она ахнула, и он мгновенно замер.

— Все хорошо, — быстро сказала она. — Просто... реальность возвращается. Со всеми своими острыми углами.

Он взял её на руки — она казалась ещё легче — и отнес в спальню. Уложил в постель, потом прилег рядом, не раздеваясь. Она прижалась к нему спиной, и он обнял её, ладонь лежала на её плоском животе, чувствуя медленное, неглубокое дыхание.

— Нарисуй меня завтра, — сказал он после долгого молчания.

— Я попробую.

— Не пробуй. Сделай. Я буду сидеть смирно. Столько, сколько потребуется.

Она тихо рассмеялась.

— Ты? Смирно? Это будет сложнее, чем любое заклинание.

— Для тебя — выдержу.

Он думал о том, что она хочет нарисовать — сад внутри, свет из тени. Она искала суть, а не форму. И он впервые за всю свою долгую жизнь почувствовал страх не перед болью или потерей, а перед тем, что она может увидеть. Или, что ещё страшнее, — не увидеть.

— Аэлиан?

— Да?

— Когда я усну... ты останешься?

Вопрос был детским, уязвимым. Он прижал губы к её макушке.

— Да. Я буду здесь. Все время.

— Обещаешь?

— Обещаю. Клянусь памятью о сегодняшнем дне. О этом мгновении.

Она удовлетворенно вздохнула, и её тело начало постепенно обмякать, погружаясь в сон, который всегда теперь был гранил с чем-то большим. Он лежал без движения, слушая, как её дыхание становится ровнее, но не глубже. Каждый вдох был драгоценностью. Он считал их, как когда-то считал звезды, пытаясь запечатлеть ритм в вечности своей памяти.

За окном медленно светало. Серый, бесцветный свет пробивался сквозь шторы, размывая очертания комнаты. Он смотрел, как он касается её плеча, шеи, спутанных волос на подушке. Это был обычный рассвет, один из миллионов, которые он видел. Но этот был другим. Потому что он освещал её. И пока длился этот свет, длилось и её присутствие в мире.

Его рука онемела, но он не шевелился. Его разум, обычно кишущий воспоминаниями, был пуст и безмолвен. В нем была только эта комната. Этот запах — их смешавшаяся кожа, секс, лекарства, краски. Этот звук — её дыхание. Это зрелище — её спина, поднимающаяся и опускающаяся.

Он понимал, что это и есть та самая цена, о которой она говорила. Не боль. А эта абсолютная, оголенная внимательность. Это мучительное, прекрасное пребывание в *сейчас*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.